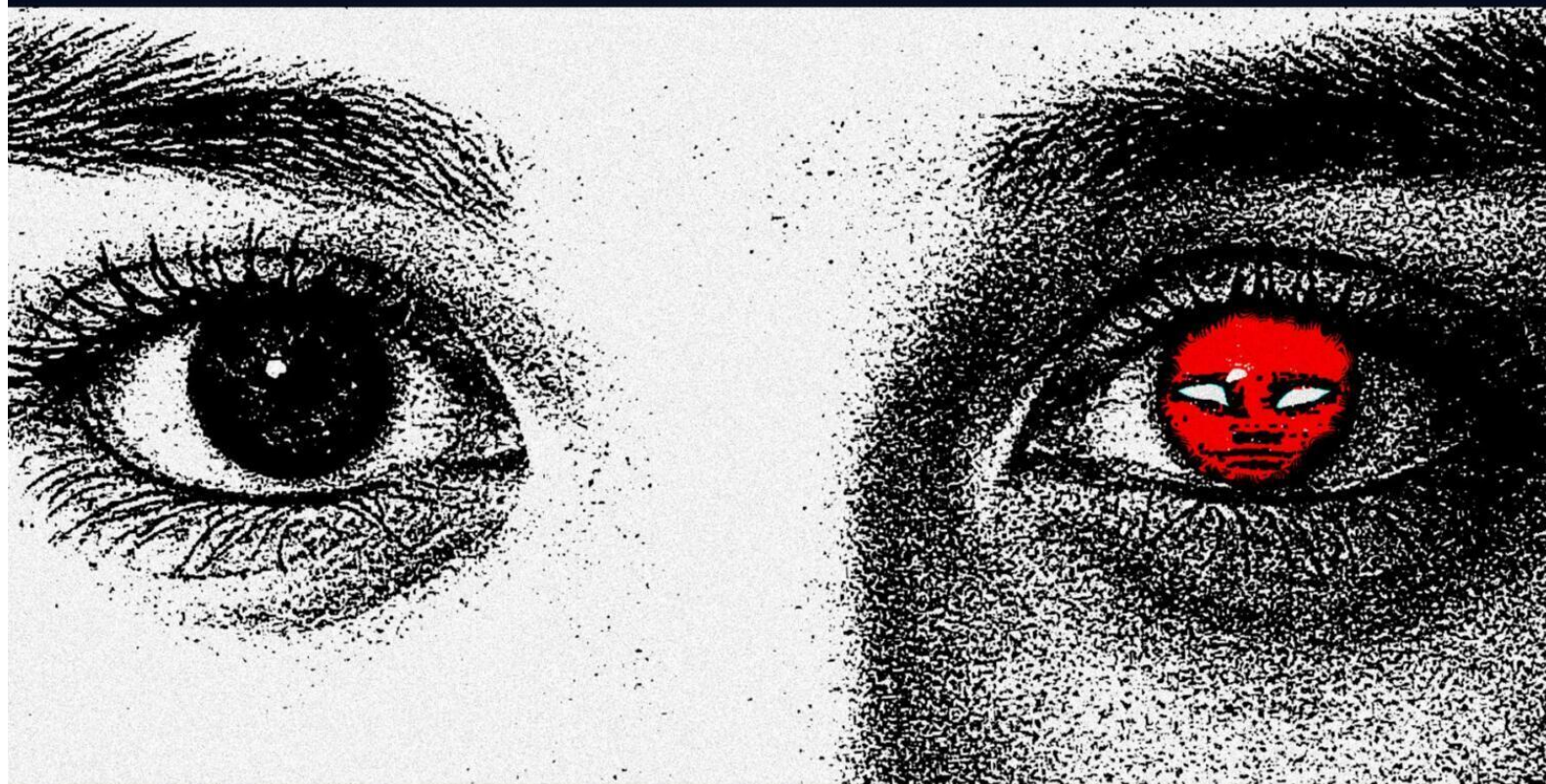

ИВАН
ШАМ

ПОРОХОВОЙ
И ЗАКАТ И

Иван Шам
Пороховой закат

«Автор»

2019

Шам И.

Пороховой закат / И. Шам — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-08925-9

Тяжело пришлось последователям Ордена Седьмого Дня. Накануне Февральской революции между тайными обществами разгорелась настоящая война. В ней решался исход будущего переворота. Ордену предстояло нанести решающий удар — каждый шаг просчитан и каждая фигура шахматной доски заняла своё место. Основная фигура на этом поле — Виктор Порохов. Он получает приказ избавиться от противников Ордена. Однако даже не догадывается, сколь тяжёлые испытания подготовила для него судьба. Ведь в этот самый трудный для страны период он встречает Лили. В опасной игре политических интриг, любви и предательства каждый ход Виктора может стать роковым!

ISBN 978-5-532-08925-9

© Шам И., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Ночь, когда всё изменилось	5
Глава 2. «План Номер Семнадцать»	13
Глава 3. Перерождение	18
Глава 4. Зачистка огнём	27
Глава 5. Чёрные маски	32
Глава 6. Зачистка огнём (продолжение)	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Иван Шам

Пороховой закат

Глава 1. Ночь, когда всё изменилось

Некоторым хотелось почувствовать себя частью истории, остальные же меняли ход событий неосознанно. Кто-то стремился спасти страну от неминуемого краха, а кто-то хотел спасти от этого краха себя. Но все были едины в одном: революция была царицей грез, расплавленным воском, стянувшим разум и сердца здешних обывателей, уже не имевших никаких шансов на исцеление от чар этой пленительной нимфы. Долгое время её смаковали величайшие умы, планомерно втирая в размякшую кору головного мозга народа, словно заветный крем от непереносимой боли в суставах. Этот сладкий нектар высыхал, образуя нерушимый шлем, бесстрашно защищавший внушённые им мечты. Революция была вирусом. Была эпидемией. А у каждого тотального заражения всегда есть свой источник.

Наполненная мрачными красками темноты ночь уже начинала неторопливо обволакивать уставший от молчаливого волнения город. Именно в этот далёкий вечер, сидя в своём кабинете, человек, чей стан возвышался над всем миром монументальной сущностью, отложил в сторону полученную записку и, подняв взгляд, увидел стоящую в дверях крепкую фигуру своего кучера.

– Я говорю, экипаж подан, ваше сиятельство, – неуверенно повторил этот молодой человек невысокого роста и крепкого телосложения, поймав на себе строгий взор барина.

Однако, так и не дождавшись ответа, он был вынужден запереть за собой дверь и пройти вглубь кабинета. Сидящий за столом человек не придавал никакого значения его словам. Вместо этого он взглянул на лежавшие напротив часы и отрешенно произнёс – хоть в его голосе и чувствовалась некоторая тревога:

– Сегодня призраки прошлого дают о себе знать... Да, Макар?

После этих слов он резко замолчал, дожидаясь ответа, но, услышав лишь растерянное молчание, продолжил:

– Видишь это письмо? – потряс он бумагу в руке. – Это письмо прислал мне Виктор Потапов. Тот самый.

Макар растерянно приоткрыл рот, будто хотел что-то сказать, но так ничего и не произнёс.

– Это тот самый Потапов, – повторил барин. – Неужто не помнишь?

Кучер покачал головой.

– Много лет назад я спас троих мальчишек. Я вынул их из могил, где они были закопаны заживо, – попытался освежить ему память барин. – Один из них стоит сейчас прямо передо мной, второй куда-то пропал, а третий прислал мне эту записку. Ну как, вспомнил?

– Да-да, я помню, как вы спасли нас, – закивал тот. – Эти сектанты пытались принести нас в жертву, и если бы не вы...

– Вольно! – перебил его барин, взяв лежавшие на столе часы. – У нас есть проблема и нет времени на разговоры. Виктор написал, что готовится покушение, и меня попытаются убить этой ночью. Он хочет встретиться подальше от посторонних ушей, в парке, чтобы передать какие-то важные сведения.

– Думаете, это ловушка? – уткнулся взглядом в пол кучер.

Человек, сидящий за большим столом, убрал часы в ящик, после чего вновь взял полученную записку в руки и принялся неспешно её рвать, что помогло ему сосредоточиться в попытке предугадать исход этого вечера.

– Ловушка сие предупреждение или нет, но просто оставить это мы не можем, – сквозь пелену раздумий произнёс он, после чего поднял свой уверенный и несокрушимый взгляд, которым обычно и смотрел вверх опустившегося перед ним на колени мира.

Застывший в тревожном ожидании вечер подходил к концу, когда человек, ещё недавно задумчиво вглядывавшийся в неожиданное письмо, распахнул тяжёлую дверь и погрузился в разгуливающий по заснеженной улице поток ледяного ветра. Оглядев тревожно переминающихся с ноги на ногу четырёх охранников, дожидавшихся его возле покрывшейся слоем льда кареты, монументальный человек медленно перевёл взор в сторону видневшегося вдали парка и вновь затерялся в раздумьях под недовольные взгляды своих защитников. Существо, стоявшее перед ними на лестнице у входа в массивное здание, казалось, просто не замечало разбушевавшегося в предсмертной агонии холода. Казалось, что оно было просто неприкосновенно для его жгущих объятий, которым оставалось лишь покорно вожделеть тепло его кожи.

Этот недостижимый для природной стихии человек вынул из кармана своего плаща белые перчатки и всё так же неспешно облачил в них руки, молча вглядываясь в деревья, между которыми должна была состояться назначенная встреча. Он до сих пор пытался просчитать исход уходящего вечера. Понять, чего можно ожидать от его коварной тишины. Но, вернувшись мыслями ту ночь, когда его армия ворвалась в логово врага, он вновь увидел те самые взгляды троих ребят, которых только вынули из могил. Тогда их изможденные тела уже начала обволакивать смерть, впиваясь в поддавшуюся окоченению кожу. И он помнил, как они смотрели на него снизу вверх, лёжа на пропитанной кровью земле. Благодарность и счастье от того, что закончился ужас, который они не должны были пережить, застыли в их уже почти потерявших способность видеть свет глазах. Именно в тот миг человек в плаще и почувствовал непоколебимую уверенность в своих действиях и целях. Именно тогда он и приобрёл свой твёрдый и несокрушимый взгляд. Именно это и придавало ему сил.

– Я знаю, что Виктор помнит, кто спас его, – проговорил он. – Остаётся надеяться, что его благодарность всё так же при нём. Думаю, что ему можно верить, но всё же, – он указал на своих охранников, – будьте начеку! И, главное, не высовывайтесь.

Этой ночи было предзнаменовано стать началом революции. Но про неё не напишут в учебниках истории, она не станет достоянием народных легенд, и она не найдёт своего последнего пристанища на холсте беднеющего художника, который изобразил бы любое событие, чтобы продлить хоть на день своё существование. Про неё просто предпочтут забыть. Именно в эту ночь, выглянув из-за кареты, Макар тут же замер, увидев удаляющийся от него силуэт барина, и, отложив в сторону рукавицы, с едва сдерживаемым волнением проводил его взглядом до самой границы тёмного мира деревьев. Эти покрытые снегом стволы, слившись в единое полотно, предались сладости сна, отчего были лишены возможности стать единственным свидетелем тайной встречи. И в этот пустой морозный вечер, плавно переходящий в роковую ночь, человек в кроваво-чёрном плаще и белых перчатках медленным, но тяжёлым шагом, даже не морщась от обжигающего лицо мороза, вошёл в уснувший парк, в подозрительной тишине которого, казалось, затаилось нечто таинственное и тщательно подготовленное к прибытию важного гостя.

Сделав пару шагов среди обледеневших деревьев, он протёр рукавом застывшие ресницы и провёл тяжёлым взором сквозь переплетения голых ветвей в поисках призрака из прошлого, дожидавшегося здесь его прибытия. Но, оглядев весь доступный ему в темноте обзор, заметил лишь скрючившегося дворника, расчищающего аллею от завалившего её снега.

– Ты, старик, не лучшее время выбрал, чтобы лопатой махать, – заметил неспешно подошедший к немощному от великого возраста дворнику человек в плаще.

Внезапно раздавшиеся слова напугали старика, который, по всей видимости, забылся в своих мыслях, уподобившись спящему городу. Он резко выпрямился, показав свои истинные размеры, и обратил испуганный взор вниз, прямо на, только что казалось, высокого человека

в плаще. Тот же в свою очередь несколько опешил от такой трансформации немолодого дворника, отчего на мгновение забыл, зачем подошёл к нему.

– Так, я это... Не получится иначе, – проямлил старик.

– Отчего же это?

– У дочки моей сын родился. Не смогу я утром дойти досюдова. И не чистить нельзя – ругать будуть. А ночь морозная, снегу нет. Ветер только его позёмкой гоняет. Вот я и решил, что Бог мне знак-то даёт.

Человек в плаще прокашлялся, не зная, что сказать, затем снова посмотрел на старика и улыбнулся.

– Внуки – это хорошо. Поздравляю!

Тот в ответ кивнул головой.

– Я тут кое-кого ищу, – перешёл к делу человек в плаще. – Своего кучера. Молодой такой парень. Мне сказали, что он шёл в сторону парка. Не видели здесь кого-нибудь?

Нахмутив брови с видом многовекового старца, тот затерялся в раздумьях, после чего покрутил головой и, глядявываясь в темноту, медлительным тоном произнёс:

– А как же! Видел!

И тут же наступила тишина. Человек в плаще ждал продолжения его речи, но вскоре понял, что зря.

– Так кого вы видели? – не выдержал он.

Старик протёр нос рукавом, отвёл взгляд в сторону и отрешенно забормотал:

– Я-то видел тут кого-то, но землю-то у меня отобрали буржуи треклятые. Теперь должен я, старик, в городе снег чистить за копейки. А внуки сами себя не обмоют.

– Да. Держи вот, – невозмутимо произнёс человек в плаще, сунув ему сто рублей в руку, что стало для бедолаги явным шоком, лишившим дара речи. – Я жду! – поторопил он его.

Старик заулыбался настолько, насколько позволял ему его небольшой кривой рот, засунул деньги в карман, приблизился к своему меценату и затараторил:

– Да, батюшка, видел здесь двоих... Нет! Трех. Двое вместе шли, третий – поодаль.

– И куда третий направился? Тот, что один шёл!

– Ну, куда-куда, вот прямо туда.

Старик вытянул руку в сторону, куда уходила извилистая аллея.

– Там, батюшка родный, трактир в подвале. Если кто в том направлении идёт, так, быть стало, точно в трактир-то и хочет попасть.

Богач в плаще кивнул внезапно вновь согнувшемуся перед ним старику.

– В трактир, значит, – прошипел он, развернувшись в том направлении, куда ему указали. – Ну-ну...

Всматриваясь в тёмную даль, богач снова разгребал снег своими медленными, но тяжёлыми шагами, способными под собой прогнуть даже застывшую во льду землю. Этот могучий силуэт казался уверенно плывущим в пространстве призраком, которому не был страшен ни выходящий за разумные пределы мороз, ни столь поздний для прогулки час. Он молчал, но в молчании этом говорилось больше, чем неопытным адвокатом в зале суда. Лицо старика, который смотрел ему вслед, сжимая в кармане сто рублей, чтобы те внезапно не испарились, было покрыто инеем, под которым горела красная от мороза кожа. Лик же богача, кроме застывших ресниц, не был осквернён ни погодой, ни эмоцией. Казалось, он был отделён от этого мира, наблюдая за ним сквозь стекло аквариума, где по ту сторону от него происходила занимательная, но ограниченная прозрачной стеной суета.

Ночь уже полностью поглотила своей вездесущей тушей потерявшийся во тьме парк, когда богач в плаще и белых перчатках, проходя мимо нежившихся в снегу редких скамеек, вдруг заметил, что есть в этой однородной пустоте нечто уже до боли знакомое, но надёжно спрятанное в глубине воспоминаний. Казалось, будто в этой ночи скрывалось то, что уже давно

стало лишь частью потерянного в истории прошлого, но так и не встретило в те далёкие времена свой неизбежный финал. Это ощущалось в трагическом сотрясании мира, улавливалось в царившем между плывущими во мраке деревьями напряжении, слышалось в застывшей от терпеливого ожидания тишине. Богач уже успел забыться, но едва ощутимая для непробиваемого сердца тревога вернула его в сознание, вверив идущее само по себе тело обратно ему в распоряжение, и вынудила того, замедлив шаг, вслушаться в окружающую его тишину, из недр которой тут же донёлся хруст осторожных шагов. Однако не успел он выдать возникшее опасение, как проницательный взгляд богача заметил пробирающийся по сугробам между деревьев силуэт одного из своих охранников, преданно следовавших за ним.

До конца аллеи оставалось пройти несколько метров, и сквозь мрак стали проступать робкие очертания домов, стоявших по ту сторону улицы, которые укрывали под собой толпу пьяниц, вечных гостей подземного трактира. Но вдруг богач в плаще, неспешно рассекающий темноту, замер, заметив сидящего на скамейке молодого человека, знакомым взглядом рассматривающего выросший напротив него силуэт. И стрелки часов, спрятанных в ящике стола, вдруг остановились.

– Виктор Потапов? – хладнокровно прогромыхал голос монументального человека.

– Это я, – кивнул в ответ тот, после чего опустил голову и поспешил пододвинуться, освобождая место для своего собеседника. – Хорошо, что вы пришли! Времени почти не осталось. Вы должны узнать, что происходит прямо сейчас. И вы должны быть к этому готовы.

Он прижался к краю скамейки, но, неподвижно разглядывая молодого человека, чьи тонкие черты лица были едва скованы морозом, но не стали от этого менее выразительными, богач даже не сдвинулся с места, оставив без ответа его приглашение.

– Значит, – проговорил он, – вы каким-то образом узнали, что на меня готовят покушение. Откуда...

– Прошу! – перебил его молодой человек. – Сейчас нет времени на это! Однажды вы спасли меня, а теперь позвольте вам отплатить тем же.

Умоляющий взгляд впился в сознание богача в плаще, из-за чего тот, вновь достав из коридоров памяти воспоминание о той ночи, незаметно, но глубоко вздохнул, сжав в сомнении губы.

– Хорошо, – напряжённо кивнул он и хотел было сесть на скамейку рядом с Виктором, как вдруг...

– Прошу прощения, – раздался голос прямо у него под ухом.

Он обернулся и увидел молодого человека лет двадцати пяти в старой потрёпанной шинели, стоявшего в паре шагов от него и с улыбкой изучающего взглядом массивного незнакомца. Раздражённый таким внезапным вторжением в разговор, ради которого он был вынужден прийти на эту тайную встречу, богач до пресного неприятно оскалился, но, встретив на себе по-детски наивный взгляд этого бродяги, внезапно переменялся в лице. Под слоем инея и съехавшей набок шапкой он смог разглядеть знакомые черты, настолько же впечатавшиеся в его память, как и облик растерянно опустившего голову Виктора. Потрясённый такой встречей человек в плаще натянуто приоткрыл рот, не зная, что ответить. Он пытался понять, не показалось ли это ему, но внутри зарождалась полная уверенность, что перед ним стоит именно тот, о ком он подумал. Растягивая через весь свой запачканный лик дружелюбную улыбку и семена на месте от прогрызающего ноги холода снизу вверх на богача смотрел ещё один из тех спасённых им мальчуганов, который уже успел повзрослеть, как и его собратья по давно минувшей беде.

– Зачем же вы так делаете? Люди убирались, готовили всё к празднику, а вы пачкаете! – пролепетал он.

– Что?! – недоумевающе протянул богач. – К какому празднику?

– Извините, я не хотел быть назойливым, – резко изменился в лице тот, – но заметил, что вы проходили, а за вами оставался кровавый след. И я не смог остаться в стороне.

Богач молча смотрел на странного молодого человека, затем перевёл взгляд на свои следы в снегу, оставленные пару минут назад. Они были белоснежны и чисты. Продавленный его ногами снег не был осквернён ни кровью, ни чем-либо другим, что могло бы быть похожим на неё.

Молодой человек тоже решил взглянуть на то, что разглядывал его собеседник.

– Вы меня неправильно поняли, – поспешил объясниться тот. – Кровавый след не на снегу. Он в душе.

Богач усмехнулся.

– Не понимаю, к чему вы клоните.

– Я вижу внутри вас какую-то катастрофу, – продолжил молодой человек. – От того, что вы делали, руки никогда не отмоются. Кровь будет всё так же течь. Она смывает последнее человеческое, которое вам уже давно чуждо.

– Я бы предпочёл завершить этот разговор! – занервничал человек в плаще.

– Но вам уже ничего не удастся изменить!

– А ну-ка! – подскочил Виктор, прогоняя этого назойливого прохожего. – Нет у нас времени на тебя! Уходи, уходи отсюда! Не обращайтесь внимания, – повернулся он к богачу, – юродивый, видимо. Что с него взять? Иди давай! – вновь прикрикнул он на молодого человека в лохмотьях, который, тут же сжавшись и обхватив своё туловище руками, поплёлся дальше по аллее, время от времени нервно оглядываясь на прогнавших его незнакомцев, будто надеясь, что те передумают и позовут его обратно к ним для долгого душевного разговора.

Наблюдая за удаляющимся в темноту силуэтом, который, по всей видимости, не узнал никого из них, человек в плаще и белых перчатках пытался понять, как могло получиться так, что в эту морозную ночь все трое спасённых им жертв бесчеловечного ритуала оказались именно здесь, собрались вместе в этом захлёбывающемся во тьме парке. Он совершенно точно понимал, что это не могло быть простой случайностью. Когда же ссутулившийся силуэт поглотила недостижимая для взора тёмная пелена, богач перевёл взгляд на Виктора, который, опустив голову, растерянно разглядывал следы на твёрдом снегу, после чего развернулся к нему всем своим массивным станом, вынудив того сделать шаг назад, чтобы оградиться от тяжести его сущности стеной ледяной пустоты, и неспешно присел на скамейку, что столь долго дождалась его в смиренном одиночестве.

– Только не говорите, Виктор, что не узнали его! – проговорил он, жестом руки приглашая того присесть.

– Кого не узнал? Его-то? – пролепетал в ответ молодой человек, повинаясь его приказу и усаживаясь на скамейку. – Много здесь таких шатается! Главное, чтобы нас не увидели. А то...

Он замялся, после чего, решив не откладывать откровенный разговор, резко развернулся к человеку в плаще.

– Вы должны знать, что грядут огромные перемены, – начал он. – Сегодня утром я узнал, что вас попытаются убить. Произойти это должно с минуты на минуту. Я услышал, что вас попытаются выманить из вашего логова, чтобы сделать вас наиболее уязвимым. Они...

Виктор вновь замялся.

– Они что? – прогремел голос человека в плаще.

– Они, – тихо зашипел тот в ответ, – попытаются обманом вас заманить в этот парк.

Опешив от услышанного, монументальный человек на мгновение замер, но вдруг выпрямился больше обычного, впившись взглядом в потерянное лицо своего собеседника, после чего начал осторожно оглядываться, выискивая в темноте среди деревьев своих прятавшихся в непроглядном небытии охранников.

– Тогда зачем вы меня сюда позвали? Кто «они», Виктор? – смотря по сторонам, выпалил он, стараясь не выдавать вновь пробравшуюся в него тревогу.

– Они... Те, кто смогли спастись в ту ночь! Они вернулись, чтобы отомстить. Они объединились, чтобы возродить орден.

– Виктор!

– Они сказали мне убить вас...

– Что?

Перестав оглядываться, богач резко обернулся к этому молодому человеку, который растерянно хватался лёгкими за бесцельно блуждающий мимо него ледяной воздух, словно пытался остудить неподконтрольную ему панику, сжигающую изнутри его взвившуюся от боли плоть.

– Убить! Они приказали мне убить вас! – прерывисто вырывал он из себя слова.

– Зачем тебе это?

– Они... У них... У них моя семья! Они сказали, что убьют их, если я не сделаю это!

– Что? Семья? – вдруг раздался голос Макара.

Резко развернувшись, они оба увидели неспешно шагающий к ним силуэт кучера, играющий мелькающим в темноте лезвием ножа.

– Но ведь у тебя же нет никакой семьи, Виктор! – заигрывающим тоном проговорил тот. – Что за сказки ты тут сочиняешь?

– Нет... семьи? – ещё более растерянно пролепетал молодой человек. – Тогда... Тогда зачем я собираюсь его убить?

– По той же самой причине, почему у тебя и нет семьи. Потому что этот человек убил твоих родных, – уверенно ответил кучер и резко остановился напротив скамейки.

– Ах, точно! – весело проскрипел Виктор. – Как же я мог это забыть? Значит, – поднял он своё резко переменившееся лицо, которое ещё недавно сжималось от волнения и ропота, а теперь расплылось в зловещей улыбке, – осталось лишь завершить начатое.

Вдруг стальная мёртвая хватка выхватила богача из равновесия и, пережав ему горло в горящих от ненависти объятиях, рванула его назад, прижав к раскалённой от холода стальной спинке скамьи, тут же продавившейся под напором этого брыкающегося в беспомощной растерянности тела. Человек в плаще выгнулся вверх, надеясь поймать за шею того, кто схватил его, и тут же увидел склонившееся над ним лицо того юрдивого, что ещё недавно не ведал, что говорит, а теперь уже всем видом излучал непреклонную осознанность своих действий. Надавив на него всем телом, переламывая его шею через спинку скамьи, этот молодой человек ещё сильнее сдавил ему горло, мешая жертве открыть рот в попытке позвать на помощь.

– Что такое? – послышался голос Виктора сквозь шум борьбы. – Хотите позвать своих псов? Хотите, чтобы они спасли вас?

Он звонко засмеялся и тут же прорычал ему в ухо:

– В ту ночь ты пытался покончить с орденом. Ты думал, что перебил всех... Но некоторым удалось спастись. Весь этот ваш клан хотел помешать тому, что предначертано самой историей. А теперь ты умрёшь, зная, что не видать твоей семье престола.

Он, вынув из кармана нож, немного привстал, чтобы ощутить под ногами твёрдую опору, после чего наклонился над человеком в плаще и добавил:

– И ещё! Меня и впрямь зовут Виктор, но не Потапов. Моя фамилия – Порохов. Думаю, тебе это о многом говорит.

– Я до тебя ещё доберусь, – сквозь дробящиеся друг о друга зубы прошипел тот.

– Теперь ты доберёшься только до своей могилы, – прошептал в ответ Виктор и резко напрыгнул на него с ножом.

Хриплый вскрик прорвался сквозь рвущуюся от натуги глотку, и все трое накинлись на трясущуюся в агонии жертву, разрывая её плоть ударами холодных лезвий, мелькающих во

взвистой от боли тьме. Затем тишина. И молодые убийцы отступили от скрючившегося тела, которое тут же упало со скамьи на четвереньки и, захлёбываясь от потерявшей свои ориентиры крови, в ужасе застыло, наблюдая за багровыми потоками, исходящими из-под разорванного плаща и орошавшими расплывающийся от их жара снег. Его руки, служившие ослабевшей под натиском смерти опорой, подкосились, и он тут же свалился в кипящую лужу, мгновенно начавшую согревать его потерявшее признаки жизни лицо.

– И ты, кучер, – выдавил из себя покойный, увидев где-то в недоступной ему более высоте суровый взгляд своего верного подданного.

– Орден не пытал нас в ту ночь, – решил объясниться на прощание Виктор, присев рядом с ним и взявшись за его руку, которая всё ещё пыталась бороться и отчаянно тянулась к шее своего убийцы. – Мы и есть Орден Седьмого Дня.

Под гроыхающий скрежет пустоты он сосредоточился, заставив каждую клетку кожи пробудиться, чтобы лучше прочувствовать этот момент, и совершил последний удар, избавивший не желавшего мириться с исходом этой злополучной ночи мученика от страданий. Но в то мгновение он не смог почувствовать ничего, кроме растерянности. Виктор жил мыслью об этом отмщении, однако не был готов ко встрече с ним за пределами своих мыслей. От этого он ощутил, что не смог обрести того долгожданного умиротворения, прихода которого столь горячо, но терпеливо ждал.

И не успело лезвие покинуть настигнутое им тело, как тьма тут же отступила. Больше этой ночи было нечего скрывать. Она хотела раструбить на весь мир о том, что произошло, пока он пребывал в сонной пелене сладкого неведения. Тишина, наполнявшая город в эти минуты, сменилась несущей страшную весть бурей, принявшей свистеть меж раскалённых стен. Стоя на коленях среди этой суматохи, Порохов вытер нож о ещё не тронутый страстями кусок снега и медленно вернулся к своим друзьям, бездвижно следившим за телом поверженного врага. Взглянув на их лица, прежде чем занять своё место между ними, Виктор заметил, что не он один оказался потерян в попытке осмыслить то, что произошло, принять столь просто ушедший в прошлое целый пласт их жизней. И пока ночь извивалась в диком танце, эти трое стояли над разодранным в клочья богачом, кровь которого разливалась по белоснежной поверхности аллеи, создавая причудливые узоры, подобные тем, что мороз рисует на окнах домов.

Безумный ветер едва обжигал остывающее лицо того, кто всегда был уверен в своём господстве. Он лежал молча. Он всё понимал. И в эту самую минуту он сожалел лишь об одном, что было скрыто от других ровно так же, как и он сам был закрыт от всего мира. Но всё стихло. И свет погас.

Трое мужчин всё так же неподвижно стояли над ним, склонив головы, и молчанием своим выражали уважение к уже покойному, но успевшему начать революцию в сердцах людей богачу, который только что выплатил своим убийцам самый большой долг в жизни. Они смотрели в его опустевшие глаза, перебирая в своих сердцах нотки волнения и радости, вызванные долгожданной расплатой, мысль о которой сопровождала их на протяжении почти всего пути, что им пришлось преодолеть в поисках самих себя, но всё так же оставались в слепой растерянности, которая молча насмехалась над ними. Упустив из-за нахлынувшего ступора осознание ситуации, в которой находились, они позабыли о любой осторожности и слышали только биение своих сердец, бушующих в окружении пустоты. Вокруг не было ни звука. И это была последняя тишина...

– Изверги! – раздался резкий крик, вернувший в сознание тех, чья одежда была забрызгана уже успевшей остыть от безжалостного мороза кровью.

Все трое обернулись и, увидев огромную бегущую тушу старого дворника, только что заметившего произошедшее, ринулись бежать, оставив позади целую эпоху своей ещё даже не успевшей начаться в полной мере жизни, но уже умудрившейся лишить их всего челове-

ского, что было запрещено хранить в себе тем, кто стал частью чего-то большего, чем простая людская суета.

Отбросив в снег тяжёлую лопату, старый дворник разорвал воздух своим надрывающимся дыханием и, подбежав к лежащему на ледяном одре богачу, упал перед ним на колени, обхватив руками это уже переставшее источать даже самую незаметную струю пара тело.

– Батюшка, ты, это, не дури! – прокричал он. – Ты давай очнись!

Глава 2. «План Номер Семнадцать»

Едва ощутимый морозец встречал рассвет недовольным треском побелевших деревьев, пробуждавшихся от ночного разгула зловещей метели. Сквозь свежий воздух протянулись слабые лучи отдохнувшего солнца, отражаясь от застывших окон, заставляя щуриться ранних посетителей пробуждающегося вокзала, которые при каждом вдохе, казалось, на секунду задерживали приятный зимний запах в легких, пытаясь насладиться каждой его порцией. Борясь с ускользящим из-под одежды теплом, люди переминались с ноги на ногу в ожидании первого поезда, который должен был ознаменовать начало нового дня. Их сонные взоры были обращены в ту сторону, откуда обычно доносился долгожданный гудок, поэтому никто не заметил, как двери вокзала распахнулись, выпустив наружу едва заметное облако пара. Вслед за ним из здания вышел молодой человек, который, внезапно почувствовав утреннюю свежесть, витавшую вдоль железнодорожных путей, остановился и задрал голову кверху.

Прозвучал глубокий вдох и следующий за ним медленный выдох, сопровождаемый гулом его резко пробудившихся легких. Но вдруг этот сладкий звук затих, когда человек, на чьем заспанном лице, расталкивая сонные мышцы, засияла стянутая улыбка, расслышал вдалеке звонкий голос несущегося поезда, прибытие которого и вынудило его проснуться в столь ранний час.

– А вот и наш путешественник, – радостно констатировал он, протирая глаза.

Точка вдали, из которой начал расти поезд, приближалась к станции, разрывая спящую пелену снега и разбрасывая её ошметки прямо на наблюдавшие за этой стихией ели. Кроны деревьев робко содрогнулись, когда мощный гудок вновь пролетел над алмазной гладью, что была обречена на скорую гибель под стальными колёсами несущегося монстра.

Пока вокзал только начинал маячить в застывших окнах, пассажиры, жаждущие вновь ощутить под ногами не ускользящую бесследно землю, уже принялись потихоньку покидать свои места, собирая сумки и направляясь к выходу. Среди этой неспешной толпы, прислонившись к окну, стоял достопочтенный господин, спокойно разглядывая приближавшиеся дома столицы. Он ничем не выделялся среди этой утопающей в дорогих мехах вычурной толпы. Его взгляд растворялся в просторах, расстилающихся за пределами вагона. Но внимание было сосредоточено внутри, ведь, по своей давней привычке, он изучал беглые речи пассажиров, вникая в каждое их слово, опасаясь, что оно может стать для него роковым. Так уж его вынуждала действовать сама жизнь: быть всегда на молчаливом посту и не терять бдительность даже в самой обыденной ситуации.

Поезд начал сбавлять ход, скрипя колесами по заледеневшим рельсам, пока вовсе не замер напротив здания вокзала, освещаемого самыми первыми, а значит, самыми живописными лучами.

Когда шум стальных колёс растворился в холодной тишине, нарушаемой лишь тихими голосами, на перроне загадочного пассажира уже выискивал молодой человек. Вглядываясь в окна вагонов, он осторожно покачивался, но, заметив старого знакомого спускающимся вслед за разнородной толпой, тут же поспешил помочь ему с сумками.

– Рад наконец вас увидеть, Мастер.

– И я не менее рад вернуться в родные края, Виктор, – пробормотал в ответ тот. – Отвык я от этого воздуха, – он сделал глубокий вдох, затянув как можно больше свежести в свою грудь, словно хотел вытеснить из неё затхлое зловоние, накопившееся за долгое время путешествий.

Вдруг он замолчал, мёртво посмотрев на Виктора Порохова, затем приблизился к нему, как можно сильнее сократив расстояние между собой и собеседником, и максимально неразборчиво, словно боясь, что их может кто-то услышать, прошептал:

– Прежде чем приступить к обмену чувствами и расспросам о моём путешествии, я должен знать, как обстоят дела с тем поручением, что я вам прислал в ответ на твоё письмо.

Порохов улыбнулся, огляделся, ещё сильнее приблизился к Мастеру и с явным удовольствием констатировал:

– Уже пару дней как на западном фронте произошли перемены.

Довольный взгляд молодого человека заразил взор ещё не старого, но уже стремящегося к последней черте господина, который, громко рассмеявшись, с чувством облегчения заявил:

– Да закатым же мы пир на костях старого мира!

– Закатым пир, – подхватил Порохов.

– И как же это произошло?

– Нам удалось загнать его в капкан. Точнее... он сам туда пришёл. Столько усилий было вложено, и так легко всё разрешилось. Думаю, у нас ещё будет время это обсудить во всех красках. А как прошла ваша поездка?

Мастер помолчал, медленно выдыхая, после чего покачал головой.

– Я обо всём расскажу позже, когда все будут в сборе. Нам также нужно будет...

Порохов слушал Мастера, попеременно разглядывая то его, то поезд, то выходящих из него пассажиров. Эти существа казались ему недостойными, чтобы одеваться в такие дорогие наряды и жить той жизнью, которая досталась им по счастливой случайности. Он разглядывал лица этой безлюдной толпы, выражавшие необычайное самодовольство, от которого его воротило, хотя, как ему казалось, они сами не могли оценить своего счастья, ведь просто не знали другой жизни. Она была скрыта от них золотым забором, по ту сторону которого плоть страны разлагалась под гнётом крови солдат, проливающих её сами не зная за что, крови рабочих, расстающихся с ней за пару монет во благо небольшой горстки местной элиты, и крови крестьян, прощающихся с ней из-за неспособности сильных мира сего решить нарастающие, как уровень недовольства в стране, проблемы.

Он со скрытым отвращением переводил взгляд с одного прибывшего в город на другого. С женщины, нервно дёргающей руку упёртого сына, не желавшего идти с ней, на мужчину, достающего полупустую бутылку из сумки, чтобы сделать ещё глоток. С молодого парня, кокетничающего со старой дамой, носящей на шее дорогое кольцо, на девушку, подмигивающую носильщику, пока её муж расплачивался с ним. Его взгляд блуждал так среди этой толпы, пока вдруг не замер, заметив незнакомую девушку, которая, высунувшись из вагона, аккуратно посмотрела вниз на ступеньки и, крепко держась за стальные поручни, начала осторожно спускаться к перрону.

Порохов знал, что не имел права поддаваться подобным заинтересованностям, которые лишь мутили разум, но что-то внутри вынуждало его не переставать наблюдать за ней, не позволяло ни на мгновение опомниться. Он вообще перестал что-либо замечать и чувствовать, кроме опьяняющего оцепенения. Лишь поработавшее любопытство теперь правило бал.

Девушка уже успела обеими ногами коснуться земли и даже сделать несколько шагов, но Порохову казалось, что она парит над белоснежной поверхностью. Она приближаясь к нему так близко, что он начинал слепнуть, смотря в её голубые глаза, которые словно светились. И блеск этот был ярче, чем даже утренние лучи, стыдливо спрятавшие своё померкшее сияние. Он был уверен, что именно та девушка и освещала это лишённое иного источника жизни утро. Свежесть, которой только что наслаждался молодой человек, вдруг стала лишним воздушным загрязнением. Эта девушка была источником всего кислорода, который только могла позволить уместить в себе невидимая оболочка планеты.

«Что за глупости?» – внезапно раздалось в голове Порохова.

Он хотел было ударить себя по щеке, чтобы очнуться, но услышал сквозь свои раздумья голос Мастера:

– ...и я думаю, нам пора бы выдвигаться.

– Да, пойдёмте, экипаж ждёт нас там.

Два не похожих на остальных людей человека, но безупречно исчезающих в толпе, если это было нужно, отдалялись от поезда, который собирался вот-вот вновь отправиться в путь, рассекая девственные утренние завалы снега. Из-за угла уже стала виднеться пассажирская повозка со скучающим на козлах кучером. Но не тем кучером, что вонзил нож в тело того, кому некогда был верным слугой.

– После сибирских степей сложно будет привыкнуть вновь к нашей погоде, – размышлял Мастер. – У нас-то, кажется, можно в одной рубахе по улицам расхаживать.

Порохов огляделся по сторонам, рассмотрев блестящий снег, и заявил:

– В рубахе, не рубахе, а солнце ведь обманчиво. Сейчас самое время, чтобы ему поверить и слечь на неделю в кровать.

– Эх, не знаете вы, Виктор, что такое настоящий холод.

– И я не вижу в этом ничего дурного.

– А мороз там приходится как нельзя лучше.

– Отчего же? – удивился Порохов.

– Он от гниения спасает. А там, где я был, мясные туши прямо на вокзале сложены, ждут, когда заберут их сюда, в столицу, но увозить их не торопятся. Сейчас они зиму полежат, а дальше что? Летом всё сгниёт, пропадёт мясо. Зря только скот закалывали.

От этих слов Порохов невольно подумал про заколотого в парке массивного человека в плаще, оставленного там на сохранение морозу.

– Об этом ли сейчас стоит думать? – протараторил он, когда, залезая в экипаж, вновь обернулся в сторону железной дороги. Он словно что-то надеялся увидеть. Или кого-то. Может быть, целью этих поисков была та девушка, которую он заметил на перроне, но, опять поймав себя на этой мысли, он резко вернулся в сознание.

Вскоре вокзал совсем исчез из виду, а бойкая повозка неспешно неслась вдоль засыпанной снегом дороги, оставляя за собой неглубокий след, протянувшийся на несколько километров. Мимо её окон проносились смазанные от скорости лица горожан, не обращавших никакого внимания на невзрачный конный экипаж, разрезавший город на две части холодной полосой, оставленной на девственно утреннем снегу. Эти зрячие слепцы проминали снег, попадавший им под ноги, расхаживая по ничего не подозревающим улицам, пока тайно властвующие над ними пассажиры, вольно развалившись на сидении, обсуждали произошедшее за те месяцы, что Мастер, которого, кстати, звали Владимир Петрович Переломов, но о чём было не принято говорить, чтобы не нарушать ту самую черту, которая отделяла правителя от подчиненного, был вынужден скитаться по стране. И, как показала практика, за это время изменилось многое.

От историй Порохова Мастеру казалось, что стоило отправить на поезде кого-то другого вместо себя, чтобы у него была возможность разобраться со всеми проблемами по мере их поступления, но он понимал, что никто, кроме него самого, не должен был попасть к столь высокопоставленным людям, с которыми ему пришлось общаться. Не то чтобы он опасался, что его подопечных могут просто не впустить в столь важные для их замыслов кабинеты, или сомневался в наличии у своих подчиненных навыков, необходимых для успешного проведения важных переговоров. Скорее, тут дело было в другой причине, которую он никому не спешил разъяснять.

Порохов старался говорить ровно и выглядеть невозмутимым, но Мастер не привык полагаться на то, что ему кажется, ведь он знал, насколько человеческое сознание обманчиво и легко поддаётся внушению. Сквозь завесу хладнокровия он заметил нещадно подавляемую внутри организма своего собеседника озабоченность.

– Тебя что-то беспокоит? – спросил он, дождавшись, когда Порохов закончит свой рассказ про накопившиеся проблемы с законом.

Тот резко посмотрел на Мастера, пытаясь придумать ответ, чтобы избежать необходимости рассказывать про незнакомку, чей образ до сих пор мелькал у него в голове. Пауза продолжалась лишь пару мгновений, но для него она растянулась до нескончаемо долгого и томительного ожидания неизбежности, доводившего его разум до края скрытой паникой, сдавливающей горло.

– Да! – вдруг выпалил он. – В последнее время... в прессе всё больше разгорается полемика о будущем империи. И меня не покидает чувство, что некоторые партии получают какую-то поддержку извне, о которой нам не известно. И их сила постоянно увеличивается. Я опасюсь, что это может привести к непредвиденным последствиям.

Мастер улыбнулся и, наклонившись поближе к Порохову, уверенно произнёс:

– Не стоит обращать внимание на эти мелкие стачки между простыми людьми.

Карета сделала резкий поворот, отчего её пассажирам пришлось вцепиться руками в свои кроваво-синие бархатные сиденья.

– Разве они не имеют никакого значения? – спросил Порохов, вернувшись обратно в удобную позу, которую он долгое время подбирал для себя, пока ехал на вокзал.

– Они думают, что что-то решают в этой жизни, но это же не значит, что так и есть. Кому, как не нам с вами, Виктор, это понимать?

Порохов задумался, покосив голову вбок, после чего вновь посмотрел на Мастера и заявил:

– Сейчас нет, но потом...

– Порохов, вы слишком много думаете. Орден победит, и это истина. Знаете, почему?

Тот в ответ кивнул головой.

– Потому что у нас есть свой свод законов. Свой кодекс.

– Кодекс, – повторил Порохов.

– Да. И он обеспечит нам слаженную борьбу вместо хаоса этих социалистов, кадетов и прочих. Это часовой механизм. Когда каждая шестерёнка на месте, часы работают безотказно. Стоит убрать лишь одну шестерёнку, и время ты больше не узнаешь. В чужих рядах в любой момент может отказать любой элемент системы. В наших рядах такого быть не может. Почему?

– Кодекс? – прозвучал поспешный ответ Порохова.

– Кодекс, – повторил Мастер. – После смерти нашего главного противника, с которым мы трое успешно и расправились, нам уже нечего бояться. И уж тем более этих партийцев.

Порохов, погружённый в сомнения, заёрзал на месте.

– Теперь ничто не помешает нам выполнить своё предназначение, – продолжил Мастер. – Фактически клан нашего врага сделал всё, что нам было нужно. Они подготовили почву для дальнейших действий нашего ордена.

– И нужно её только обработать!

– Произойдёт смена власти. Царя вынудят отречься от престола, а к тому моменту во временном правительстве уже будет наш человек.

– И останется только устранить оппозицию, – подхватил Порохов. – Я помню «План Номер Семнадцать».

– Именно так! Большевики, меньшевики, эсеры... Всех убрать. Взять под контроль прессу и провести срочные реформы.

– На бумаге это всё выглядит довольно просто.

– Потому что это так и есть. Но нам сейчас нужно следить, чтобы всё шло по плану, чтобы ни один воробей не помер раньше, чем это указано там.

– Думаете, сейчас газеты нам не смогут помешать?

– Абсолютно! – кивнул Мастер. – Не обращайтесь внимания, Виктор, на то, что они болтают, это лишь подогревает народ, что нам и нужно. Ведь это только часть плана, о котором вам хорошо известно.

Карета вновь сделала резкий поворот, после чего послышался голос кучера и экипаж остановился напротив мрачной двери, ведущей в здание, с другой стороны которого находился вход в небольшой, но уютный ресторан «Великая Акация», принадлежавший Мастеру.

– Езжайте домой, Виктор! Отоспитесь! У вас была сложная неделя, да ещё и сегодня так рано пришлось ехать на вокзал.

Владелец ресторана не спеша вылез из кареты и, ощутив под ногами твёрдую поверхность, обернулся к Порохову, добавив:

– Я сегодня тоже отдохну, ведь уже не в том возрасте, чтобы...

Он замолчал, устремив взгляд в неизвестность, после чего усмехнулся и поспешил напомнить:

– Завтра все соберутся, и я... Я обо всём расскажу. У нас будет много работы.

Экипаж вновь нёсся по пустынным дорогам столицы, окруженным безликими движущимися манекенами. Порохов не видел в них жизни. Он всё вглядывался, но ему казалось, что он смотрит лишь сквозь них. Смотрит на очертания домов, спрятавшиеся за прозрачными телами. Он уже перестал надеяться. Он давно привык к этому. И единственным выходом казалась лишь попытка взять всё в свои руки. Переделать их. Переделать город. Переделать страну.

Весь оставшийся день тянулся долго, а ночь – ещё дольше. Голова Порохова была забита под завязку лишь одним тайным образом, разжигавшим биение души о стенки всё ещё не разорвавшегося от бушующего напора сердца. Он был один, и его удушающе маленькая квартира была пуста. Он не был сущностью, он плыл в ней, словно заблудший призрак, оставленный среди обломков его жизни, которая закончилась, не успев начаться, обрекая его на вечные скитания, не имеющие ни начала, ни конца. Когда темнота вновь стянула улицы, он сидел перед свечой, вновь и вновь изучая одни и те же строки Библии. Он вчитывался в каждое слово, пытаясь найти ответ, который должен был быть скрыт от него где-то на этих пожелтевших страницах. Он не знал, найдёт ли то, что ищет, но он верил в это. Так учила его жизнь.

Порохов был обделён способностью верить в то, что лучшее время когда-нибудь само настанет. Он не мог принять идею судьбы, предзнаменования и удачи. Для него жизнь была весами, которыми можно управлять, если действовать по правилам. Он не нарушал их, поэтому теперь готовился, что чаша Фемиды склонится в его сторону.

Так учил его отец.

Глава 3. Перерождение

Отец научил Виктора всему. С него и началось его перерождение.

Сейчас сам Порохов уже и не сможет вспомнить всех подробностей своего детства, как и любой другой человек. Но некоторые моменты, оставив на душе кровавый налёт смерти, навсегда выжгли свои зловещие силуэты в его тлеющих воспоминаниях. Хоть вновь вглядываться в своё прошлое он и не любил, однако осознание того, что оно будет преследовать его всю жизнь, не давало ему покоя.

Каждый день заканчивался в объятиях ночных кошмаров. Но именно в эту ночь, когда Мастер вернулся из длинной поездки, когда подходил миг, который должен был решить судьбу всей страны, когда от Виктора требовалась максимальная сосредоточенность, призраки прошедших лет вдруг отступили прочь, освободив место в его разуме для прекрасного образа незнакомки. Именно он смог защитить его сон от посягательств прошлого, стремящегося вцепиться своими стальными зубами в его плоть, залезть под оледенелую кожу и начать выедать куски мяса, гниющего, как те забытые на сибирских вокзалах туши. Этот образ освещал ему лунную дорожку в царство блаженства, столько лет скрывавшуюся от него во тьме. С того момента, как он увидел ту девушку на перроне, его сердце, уже давно не отзывающееся на мольбы, снова стало биться, вернув себе жизненный ритм, забытый им уже много лет назад. Но всё же мысль о прекрасном его только злила.

– Нет... Нельзя! – стонал он во сне, ворочаясь в кресле, где его тело, оставив догорающую свечу и уронив книгу в мрачной обложке, всё же отпустило свой разум в опьяняющий лабиринт зловещего Морфея.

И пока он намеренно пытался вызвать в своём сознании боль, чтобы притупить чувства, детские воспоминания не жили в ожидании шанса вновь захватить его рассудок, наблюдая за страданиями своего хозяина. Ещё прошлой ночью они свободно питались его переживаниями, вновь и вновь отправляли сознание в тот день, когда он, боясь гнева отца, шёл домой, зная, что двери гимназии теперь для него были навсегда закрыты.

Тогда, много лет назад, потев от жары и страха, он брёл по нагретой от злящегося Солнца улице. Чёрный костюм с распростертыми объятиями манил к себе весь жар приближающегося лета, отчего в какой-то момент Виктор ощутил жуткую тошноту. Эта духота всё сильнее сдавливала его без того тяжёлое дыхание. Каждый вдох сухо скоблил по внутренним стенкам легких, раздирая их нежную оболочку. Его всегда заставляли соответствовать остальным, носить фуражку, застёгивать верхнюю пуговицу воротника, которая безжалостно душила его и которую он теперь, получив возможность безнаказанно расстегнуть, назло оставил застёгнутой.

Старая гимназия, одно лишь существование которой выводило Виктора из себя, не могла позволить содержать на свои средства пансион, поэтому её ученики были вынуждены жить в своих домах с родителями. Многим это не нравилось, ведь мысль о взрослой самостоятельности с особым трепетом пьянила их умы. Но младшему из Пороховых это было только на руку, ведь он знал, что, вернувшись домой, не вызовет ни у кого подозрений. Если только своим же поведением не выдаст остальным домочадцам секрет о произошедшем. И тут у него в голове появилась замечательная идея, заключающаяся в том, чтобы, как и раньше, уходить из дома утром, приходить вечером и ничего не говорить отцу. Эта многообещающая мысль резко подняла ему настроение и увеличила скорость его шага, стремительно понёсшего юное тело напрямик в руки судьбе.

Таким темпом он быстро дошёл до дома, где встретил отца, читающего толстый журнал в старом потрёпанном кресле в своей небольшой комнатке. Медленно выглянув из-за страниц этого столичного издания, принесённого кем-то из знакомых, его отец взглянул на своего

застрявшего в пространстве дверного проёма потрепанного сына и спокойным голосом спросил:

– Как дела в гимназии?

Юный Виктор, и так потерявший всю свою уверенность в тот момент, как увидел неподвижный силуэт папаша, после этих слов и вовсе потерял способность подавать признаки жизни, отчего тот отложил в сторону своё чтение и уставился на него разъярённым взглядом.

– Я... Как обычно, – еле промямлил он.

– Как обычно...

Родитель замолчал, наклонившись к своему детищу, и продолжил:

– Как обычно – это как?

Не ожидав такого напора, с каким ещё ни разу не сталкивался, Виктор растерянно застыл, в панике пытаясь придумать оправдание, но допрос ждать ответа не стал.

– Присядь, – указал отец на рядом стоящий стул сыну, который, едва заметно трясась, повинился этой безобидной воле, казавшейся ему самым страшным моментом в его жизни. – Знаешь, много лет назад, когда я был студентом, меня впервые посадили под арест. Произошло это из-за протеста, который я с группой сообщников устроил напротив своего университета. Тогда мне невероятно повезло, ведь я был отпущен ровно за день до выстрела Каракозова, которого всё пытались отыскать члены другой молодежной группировки. С ними я был в хороших дружеских отношениях. К моему счастью, император, не подозревающий о готовящемся на него теракте, ещё не начал принимать усиленные меры против всех этих тайных обществ, которых наплодилось к тому моменту как зайцев на воле. И я вышел на свободу без особых проблем, но уже с осознанием того, что нельзя действовать открыто, ведь делу это не поможет, а только создаст неприятные последствия...

Отец Виктора замолчал, внимательно рассмотрев своего напуганного сына, пододвинулся чуть ближе и столь же уверенным голосом, каким он всегда говорил, продолжил:

– Тогда моя жизнь сильно изменилась. Я понимаю, что всё, что происходит сейчас с тобой, это моя вина. Ты думаешь, что я не знаю про твои проблемы в гимназии. Ты боишься рассказать мне. Но сейчас я смотрю на тебя и понимаю, что ты созрел. Созрел раньше, чем я. Ты похож на меня. Точно!

Жестом попросив своего остолбеневшего потомка подождать, он подошёл к окну, выглянул на улицу, чтобы убедиться, что никто их не подслушивает, после чего закрыл ставни и то же самое проделал со входной дверью. Затем, вернувшись обратно, зажёл свечу, вновь сел в своё кресло и ещё серьезней, чем прежде, посмотрел на сына.

– Пришло время тебе узнать всю правду. Но прежде я должен быть уверен, что ты честен со мной. Скажи, как твои дела в гимназии?

Виктор, пытаясь сдержать слезу, посмотрел в глаза отцу.

– Ничего, – твёрдо заявил он.

– А я думал, что тебя исключили. За драки, непослушание и призывы свергнуть учителя по богословию.

Виктор понимал свою скорую гибель, но сдерживал эту предательскую слезу, а отец всё продолжал:

– Меня обо всём уведомили. Но нет! Ты не признаешься. Ты будешь идти до конца. Прямо как я. Ладно! Пусть будет по-твоему. Но давай вернёмся к моей истории...

Он, наслаждаясь своим монологом, так что даже улыбка стала проступать сквозь его не знающее эмоций лицо, рассказал Виктору, что вскоре после выхода на свободу попал в одну из самых древних тайных организаций, которые когда-либо существовали. Это был Орден Седьмого Дня, который незаметно для всех управлял ходом истории, что казался столь неуязвимым и неподвластным для того, чтобы подчиняться лишь простой горстке представителей человеческого рода. Там он нашёл своё призвание. Там он получил возможность изменить мир.

Посвящение в братство навсегда изменило жизнь старшего Порохова. В тот момент, когда после прохождения новым братом всех испытаний раскаленная сталь коснулась его кожи, оставив на теле знак ордена, он понял, что нашёл свой путь.

– И знаешь, Виктор, призвание стать частью ордена заложено у тебя в крови. Хочешь узнать, почему?

Младший Порохов кивнул, с открытым ртом внимая словам своего отца словно голосу свыше, позабыв о тех переживаниях, которые охладили его вены ещё пару минут назад. И даже жара больше не была такой удушающей.

– Во главе ордена стоят люди, про существование которых никто и никогда не знал. Все распоряжения передаются через особого человека. Через Хранителя кодекса ордена. Он следит за выполнением всех указов и соблюдением правил, прописанных в кодексе. Это высший свод законов нашего братства. А распоряжения тайных правителей он передаёт совету семи мастеров, который и является ответственным за действия ордена. Среди них есть человек по имени Владимир Петрович Переломов, чья двоюродная младшая сестра, тоже состоявшая в братстве, стала моей женой и твоей мамой, отдав свою жизнь, чтобы ты выжил во время родов.

Виктор мог выдержать любую боль, стерпеть любую обиду, но лишь одно слово о матери сделало его беззащитным. Из глаз потекли слёзы, капая на его чёрный костюм, а в голове разбухали мысли о том дне, когда его, свернутого в полотенце, несли прочь от медленно остывающего тела мамы. Заметив это, отец прижал его к себе, крепко обняв и почувствовав, как холодные слёзы проникают сквозь одежду на его плечо.

– Ты, наверное, хотел делать вид, что ничего не произошло, и каждый день уходить куда глаза глядят, чтобы я думал, что ты в гимназии. Я знаю. Я бы поступил точно так же.

Он немного отодвинул от себя сына, крепко держа его за плечи, серьёзно посмотрел ему в глаза и произнёс:

– Настало и твоё время стать частью истории.

Сейчас младший Порохов уже не помнил всего их разговора, но точно знал, что именно тогда с прошлой жизнью было покончено. И хотя он был ещё слишком мал и не мог быть принят в орден, его отец всё же выбрал самый подходящий момент для начала долгой и изнуряющей подготовки. Он стал сам учить его всему. Это был трудный путь для столь юного мальчугана, но он упёрто шёл по нему, видя в конце яркой манящий к себе свет надежды стать частью великого замысла. Горы книг, написанных главными для его отца философами, учеными, писателями, сменялись другими стопками письменных творений. Аристотель, Локк, Маркс приходили на смену Корнелю, Пушкину и Мелвиллу. Виктор рос, а вместе с ним росла и его эрудированность, пока не пришло время самому выбирать, что ему стоит изучить дальше.

– Я не хочу, чтобы ты был чьей-то марионеткой, поэтому больше не буду тебя наставлять на путь истинный, – сказал ему однажды отец. – Теперь ты должен сам прийти к своим выводам.

Не бывает истинной истории. Она всегда меняется от автора к автору. Но знание правды – сила, и орден это понимал, поэтому хранил в своих спрятанных в надёжном тумане небытия недрах старинные рукописи и толстые книги, запечатлевшие то, что никто из сторонних этому братству людей не должен был узнать... никто, кроме маленького Виктора, взглянувшего на мир без призмы внушаемого ему ранее мировоззрения, которое, словно очки, спало с его глаз, ослеплённых от того мира, что теперь предстал перед ним. Так он узнал о том, что было надёжно скрыто из истории. Выяснил, что многие вещи происходили при участии ордена, в котором теперь состоял и его отец. Так, например, бойцы Ордена подмешивали Ивану Грозному в еду специальный раствор, изобретённый их химиками. Это вещество вызывало появление наростов на костных тканях. Так они сначала лишили его способности править, а затем освободили престол, избавившись и от его потомков. Однако же сыну Грозного, царевичу Дмитрию, на место которого позже пытались претендовать трое самозванцев, чудом удалось спастись. Каким-то неведомым образом ему удалось навсегда скрыться от рук ордена.

Тогда-то Порохов впервые самодовольно усмехнулся, наблюдая за теми, кто шёл по улице мимо окна его небольшой комнаты, а в голове раздалась спокойная, без единой сторонней нотки мысль: «Ничего они не понимают».

Проходил год за годом, а Виктор был погружён в изучение книг, что отец тайно приносил ему. Со временем ему начинало казаться, что он уже изучил достаточно, что уже познал все истины мироздания, что теперь стал способен творить. Поэтому, когда в один из осенних тусклых вечеров очередная порция документов легла на стол перед ним, он поднял взгляд на своего предка, уверенно произнеся, что готов вступить в орден. Его отец тогда лишь молча посмотрел на него, взяв очередную из книг со стола, что лежала поверх общей стопки, и, протянув её сыну, ответил:

– Нет.

Ему сначала казалось, что отец передумал пускать его в братство, отчего заваливал ещё большим количеством страниц, надеясь, что его сын сдастся, решив, что эти усилия не стоят того. Но, продолжив своё обучение, вскоре Виктор пришёл к выводу, что тот был прав, ведь истина с каждой книгой всё дальше ускользала от своего охотника. И прежде чем получить право изменить мир, он должен был проделать ещё огромный путь, лишённый каких-либо границ, что могли хотя бы намекнуть на то, куда следует идти дальше. Однако это созревание не могло продолжаться вечно, и пришло время, когда младший Порохов достиг того долгожданного возраста, распахнувшего для него двери в тайный орден.

В тот заветный день старший Порохов молча подошёл к сыну, который давно бы уже потерял возможность двигаться из-за нескончаемого потока информации, что вынуждала его проводить почти всё своё время в бездвижном положении за столом или на диване, если бы отец не заставлял его каждый день заниматься бегом, а иногда не водил бы в спортивный зал, чтобы тот, получив пару синяков, не забывал, что значит бороться. Там же тренировались и некоторые другие члены ордена, один из которых приходил со своим сыном, чьим основным противником на ринге и становился Виктор. Его звали Александр Старовойтов. Тогда-то они оба впервые и почувствовали кислый привкус соперничества, безжалостно разъедавшего зубы, что стискивались в мёртвой хватке каждый раз, когда кто-то из них наносил удар противнику. Желание доказать не только своё превосходство, но и превосходство своей семьи перед соперником отравляло их обоих.

Но столкнуться в настоящей битве им было суждено чуть позже, уже после того, как, решив закончить многолетнее обучение, старший Порохов молча встал перед сыном, который, ожидая какого-то очередного упрёка, бездвижно уставился на своего отца.

– Виктор, прежде чем задам тебе вопрос, я хочу предупредить, что твой ответ никак не повлияет на наши отношения, – начал он, садясь на стул перед ним. – Это должно быть твоё! И только твоё решение! От него зависит твоя судьба. Я надеюсь, что ты понимаешь всю ответственность!

Он замолчал, взглядываясь в глаза своего потомка, и затем, наклонившись к нему, продолжил:

– Ты за эти годы узнал многое, тебе открылись многие тайны, ты вырос. Поэтому, думаю, пришло самое время, чтобы принять окончательное решение.

Он ещё сильнее приблизился к нему и чуть ли не шепотом произнёс:

– Ты хочешь вступить в орден?

Старший Порохов отодвинулся, выпрямившись на стуле, и отвернулся, чтобы не мешать своему сыну сделать самый важный выбор в своей жизни.

– Да, только этого и хочу! – внезапно ответил тот, даже не дав тишине повиснуть над их головами.

– Тогда нам пора, – спокойно, но с едва заметным удовольствием, которое тщательно скрывалось, произнёс отец Виктора.

Оказалось, что, чтобы стать частью ордена, каждому желающему нужно доказать, что он достоин этого. Три испытания для семи кандидатов и только одно место в братстве.

Сейчас Порохова только удивляет то, с каким остервенением они с Александром Старовойтовым, который тоже был в числе претендентов на заветное место в тайной организации, переложили свою спортивную ненависть друг к другу на новую дуэльную площадку, называвшуюся отбором кандидатов. Казалось, стоило оставить их наедине, так кровь украсит стены комнаты, которой бы не посчастливилось стать невольной свидетельницей этой неловкой ситуации, ставящей под сомнение всю их благоразумность. Скорее всего, так и случилось бы однажды, но за пару мгновений до этого инцидента молодой человек, ищущий своих родителей по извилистым коридорам замка, ставшего домом для ордена, заметил этих двоих, до брызг раскалённых слюней спорящих о какой-то мелочи. Этого молодого человека звали Макар Разин. Он вмешался в напряжённую беседу, словно огромная глыба льда, упавшая в извергающийся вулкан, едва остудив его, но не остановив.

Время шло, но развязка этого конфликта так и не думала проявляться, ведь они оба проходили одно испытание за другим, не желая сдаваться. А за ними следовал и Разин, который не мог позволить себе отступить из-за строгого надзора своих предков. Так они втроём добрались до самого последнего испытания, что не могло не удивить тех, кто наблюдал за ходом этого отбора словно за скачками.

Смысл последнего задания был в перерождении. Отец не стал рассказывать Виктору, что будет происходить, чтобы не лишать сына возможности проявить свою истинную натуру в соприкосновении с неизвестным. Однако, когда перед тем отворились уходящие в высокий потолок двери и он вошёл в эти утопающие в противостоящей свету тьме тяжёлые врата, надежда на скорейшее избавление от страданий стала лишь ускользающей иллюзией, в которую так жадно, но так обречённо впивался надломленный разум. Перед ним открылся вид на уходящую во тьму дорожку, окружённую безликими монстрами в белых масках, следящими за каждым его движением. Их глаза светились в свете играющих свечей, что по обе стороны очертили этот враждебный всему живому путь от посягательств на него извне.

– Чтобы возродиться заново, необходимо сначала умереть, – раздался в его голове голос одного из шести мастеров, которые присутствовали на последнем этапе отбора.

В этот день состав совета был неполный, ведь Владимир Петрович Переломов, чья двоюродная младшая сестра была матерью Виктора, был вынужден покинуть своего племянника в его последнем рывке к заветному месту в ордене и уехать в Сибирь для переговоров с какими-то важными людьми, о существовании которых больше никто не знал. Это было типичным для него отбытием, ведь он часто оставлял свой дом, отправляясь куда-то с тайным визитом, потому что это и было его главной обязанностью. Он был профессиональным дипломатом. Но его излюбленным занятием было стремление взять всю власть в свои руки, ведь ему казалось, что его единовластное управление орденом будет куда действенней, чем постоянно спорящий совет, состоящий из людей, имеющих разные взгляды. Однако об этой идее знали только его самые близкие люди, к числу которых принадлежал и старший из Пороховых.

– ...очистите свой разум, – продолжал скандировать один из мастеров. – Прошлая жизнь уже не ваша...

Бурлящий гул тихих голосов пролетел над толпой, из уст которой стали доноситься неподвластные человеческому слуху звуки, из-за которых кожа на теле Виктора сжалась в нервной попытке улизнуть от этого демонического пения. Порохов хотел сбежать оттуда, но почувствовал, как мощные толчки в спину выпихивают его из дышащего жизнью мира, заставляя его повиноваться своей судьбе, конец которой был уже совсем близок. Поддавшись этому немому приказу, он сделал нерешительный шаг и вошёл в безжизненный коридор между небытием и абсолютным забвением. Толчок повторил свой настойчивый акт принуждения, и его беспомощная жертва послушно прошла сквозь тьму, пока не оказалась посреди огромного круга,

ограниченного неподвижной стеной из мёртвых тел, чьи лики всё так же были скрыты под пустыми масками.

Прямо перед ним раскинулись просторы глубокой ямы, дно которой утопало во всепоглощающей тьме, чьи корни брали своё начало именно в недрах этой усыпальницы. Виктор стоял на краю последнего обрыва. Он уже ощутил свою смерть в этом пульсирующем дуновении тьмы, жаждущем заполучить его ещё не успевшую познать радость жизни плоть.

– ...обряд посвящения пусть переродит ваши души...

С младшего Порохова сняли всю одежду, оставив его кожу на растерзание прохлады позднего осеннего вечера.

– ...пусть кровь смывает ложный след верований!

Мощный поток тёплой жидкости обрушился на успевшего уже заметно замёрзнуть Виктора, согревая его оледенелую плоть. Он, начиная чувствовать, как сознание принимается расплываться вместе со стекающей по нему кровавой массой, обернулся, увидев остальных кандидатов. Их также омывали потоками крови, багровые воды которых стремились в голодные ямы по их трясущимся от холода телам. А над ними нависали люди в белых масках, держа брыкающиеся в предсмертной агонии разрезанные туши животных. Младший Порохов с ужасом поднял взгляд над собой и увидел точно такую же картину.

– ...вы должны похоронить то, что связывало вас с прошлой жизнью...

Два человека в белых масках поставили перед Виктором гроб с очень толстыми стенами, куда ему властным голосом было приказано лечь.

Ещё момент – и он оказался внутри.

– ...покойтесь с миром, – раздались последние слова одного из мастеров, перед тем как крышка гроба закрылась и Виктор почувствовал, что его пристанище плавно плывёт над землёй, пока не достигает дна той самой ямы, что была вырыта специально для него.

Сквозь твёрдую поверхность этого узкого ящика стали просачиваться затухающие звуки ударяющегося об него потока затвердевающей земли, пока вскоре все даже самые громкие выкрики не стихли и Порохов не остался наедине с собой. И с Библией, которая была вручена ему в руки сразу после того, как он уже ступил одной ногой в могилу.

Тишина настигла его разум, а всепоглощающая пустота стала для него самым верным другом под этим похоронившим ещё не успевшее превратиться в мёртвый камень тело толстым слоем земли, лишившим его даже самой малой надежды на побег.

Темнота была повсюду.

И ею так легко было дышать! Хотя, наверное, это облегчение растянулось всего на пару поверхностных вдохов, ещё не осознавших своего положения. Виктор был бездвижен, словно и правда почувствовал, что его тело лишили жизни, оставив гнить здесь.

Тишина всё сгущалась. Сердце замирало, а дыхание уже и вовсе прекратило свой ход.

Вдруг Порохов почувствовал, что воздуха стало не хватать, а пустота, выедающая последние остатки кислорода в его ссыхающихся лёгких, начала сдавливать его грудь и горло. Он потерял контроль над своим телом, начав дёргаться и ударяться о непреступные стенки своего заточения. Затем резко воспрял, прижавшись лицом к отверстию в крышке, через которую, преодолев длинную трубу, в гробницу поступал свежий воздух. Вдох! Выдох! Виктор пытался успокоиться и осознать ту ситуацию, в которой оказался. Вдох! Выдох! Он медленно ощупывал кончиками пальцев внутреннюю поверхность гроба, надеясь обнаружить его нереальность, но всё было тщетно. Нервный вдох! Стенки могилы стали сужаться. Они давили на него! Его тело трещало по швам! Вдох! Вдох! Вдох! Пора было сделать выдох, выпустив переполнивший его внутренности воздух, но дыхание сводило! Вдох! Вдох! Задержать дыхание. Нужно продержаться! Выдох! Долгий. Сладкий. Расслабляющий выдох. Он медленно выпустил напряжение из его разума, но тут же раздался предательский вздох. Затем ещё! И ещё! Лёгкие хватали жадно кислород, не понимая, что нужно успокоиться.

Прошло немало времени, прежде чем покойник смог прийти в себя, но стоило его телу освободиться от вселившегося в него беса, как в голове застыл тревожный вопрос: «Сколько мне здесь ещё предстоит находиться?» – вопрос, не покинувший его до сих пор. Он не знал, сколько пробыл в той могиле. Может, день, может, три дня, а может, и ещё дольше. Он пытался определить время суток по едва заметному свету, льющемуся через длинную вентиляцию. Но тот мог принадлежать не солнцу, а факелам, ведь орден приложил все усилия, чтобы лишить захороненных заживо хоть какого-то ощущения своего присутствия в этом мире. Они находились вне его досягаемости, а он маячил лишь пустым и далёким пучком света перед ними.

Спустя пару часов после начала заточения голод стал навязываться сознанию Виктора, кости заболели от неподвижности, а мозг пытался найти выход оттуда, но вскоре этот поиск сменился новым приступом паники, и произошло это после того, как он задался вопросом: «Может, это был лишь такой хитрый способ, чтобы избавиться от тех кандидатов, которые не получили место в ордене? Ведь мы уже и так слишком много знаем про них!». Он хотел было начать кричать в воздуховодную трубу, но вдруг понял, что если это так, то его затея бессмысленна.

Эти приступы паники продолжались! И продолжались достаточно долго, чтобы лишить его рассудка. Но ощущение бескрайнего отчаяния полностью избавило его беснующееся тело, удушасное стенками надрывающегося от своего беззвучного, но кровожадного смеха гроба, от каких-либо эмоций, в которых он мог найти своё спасение, поддавшись первобытным инстинктам. Постепенно это захоронённое вместе с ним безумие оказалось растворённым в неподвластном ему молчаливом смирении, что так легко позволяло перестать безнадежно цепляться за жизнь и просто выпустить её из своего тела, разорвав хрупкие цепи надежды. Мёртвое тело Виктора Порохова лежало на дне зарытого глубоко под землю гроба, а его остекленелые глаза уже давно перестали неподвижно созерцать этот закрытый мир. Всё кончено! Недостаточное количество кислорода выело его лёгкие, отсутствие еды выжгло его желудок, отречение от всего лишило его ещё недавно боровшегося из всех сил рассудка.

Когда спокойствие стало единственным доступным ему состоянием, это тело уже лишилось жизни, но обрело сводящую с ума чувствительность, вызванную нестерпимым желанием поменять своё положение в горизонтальном пространстве.

Вдруг он ощутил под собой спокойно ожидающуюся своего часа небольшую книгу, врученную ему в его последний день жизни, но никаких движений за этим не последовало. Однако давящая на уши тишина стала проникать в его мозг, порождая там душераздирающие звуки, которые начинали ему мерещиться с нарастающей силой, что вынудило его очнуться и выждать, пока его усопшая душа не примирится с мыслью о нарушенном покое. Взяв в руки эту книгу, он скрючился так, чтобы свет из трубы попадал на неё, и стал внимательно изучать, страница за страницей пропуская её сквозь сознание. Перечитывая строки по несколько раз, чтобы лучше запомнить, он раз за разом замечал необычайную продуманность каждой её мысли. Казалось, что в ней он может найти ответ на любой вопрос.

Постепенно полностью приняв свою судьбу, он решил всё оставшееся до того момента, когда его душа покинет это отвердевшее тело гнить в гордом одиночестве, время провести, не выпуская Библию из рук.

Тьма и тишина уже перестали иметь для Порохова какое-либо значение, когда снаружи вдруг послышался странный шорох, который мертвец сначала принял за очередные галлюцинации. Однако затем раздался оглушающий удар тяжёлого металлического предмета по крышке гроба, который тут же заиграл нестерпимым грохотом барабана в ушах Порохова. И этот, казалось, навсегда захоронённый ящик вновь взлетел над землёй, сотрясая остановившуюся в жилах кровь. Это заставило Виктора, внезапно осознавшего, что он прошёл последнее испытание, а не стал жертвой предательского обмана ордена, издать громкий радостный стон, оставшийся единственным доступным его окоченевшей глотке звуком.

Под гробом вновь напряглась твёрдая земля, и без предупреждения впусившая яркий свет лампы крышка отворилась. После чего над ним, лежащим в зловонной могиле, нависли двое людей в чёрных, а не белых масках. От их вида, придя в себя и привыкнув к яркому дневному свету, Порохов вдруг осознал тревожную истину, что что-то пошло не так.

Виктора, который не мог ни сопротивляться, ни даже просто пошевелиться, осторожным и медленным движением достали из этого похоронного ящика и, усадив рядом на сырую траву, внимательно осмотрели, направив на него свои безликие головы.

– У него нет никаких символов принадлежности к ордену на теле, как и у остальных, – доложил один из этих людей другому, который, судя по всему, руководил ими.

– Должно быть, они хотели что-то получить от этих ребят и пытались сломить их этим варварским способом, – предположил в ответ тот.

Порохов смутно понимал их речь, ведь за время, проведённое в могиле, он разучился осознавать то, что творилось вокруг него, но, переборов своё бессилие, осмотрелся, чтобы понять, что происходит. Он обвёл почти ослепшим взглядом то место, где некогда стояла безликая толпа призраков, с неподдельным интересом наблюдавших за добровольными похоронами. И с ужасом увидел неповторимую картину, которая навсегда отпечаталась в его памяти: повсюду лежали окровавленные тела в разрубленных на части белых масках, окантованных красной травяной рамкой, а вокруг них бродили вооружённые призраки, выискивающие в этой разорванной на части толпе тех, кто ещё был способен подать признаки жизни, чтобы окончательно избавить израненные тела от них. Неподалёку от Виктора среди этого кровавого полотна сидели двое других кандидатов, измученный, изуродованный и омертвевший вид которых поверг его в шок, хоть он понимал, что и сам выглядит так же.

Столкнувшись лицом к лицу с закатом многовекового братства, эти трое полумёртвых ребят завершали своим видом залитую кровью их сородичей композицию. Пытаясь отличить сон от яви, они испуганными глазами осматривали бездвижные тела, боясь обнаружить среди них своих близких. Но лишь находя то, что искали, вдруг понимали, что не способны выдержать результата своих поисков: отец Виктора, который, похоже, все это время провёл рядом с сыном, лежал неподалёку с разделившей его лицо надвое кровавой полосой.

Именно в тот момент Порохов окончательно потерял всё человеческое, что хранилось в нём.

Он попытался приподняться, чтобы подползти к отцу, но его обезжизненное тело не желало подчиняться своему хозяину, отчего он просто упал на землю, лишённый даже возможности плакать. Однако это ему было и не нужно, ведь из темноты, ограждающей это окровавленное пространство от внешнего мира, медленным, но тяжёлым шагом вышел человек в кроваво-чёрном плаще и белых перчатках, даже не морщась от созерцания происходящего здесь. Сначала он, самодовольно похаживая среди тел, молча наблюдал за этим зрелищем, а затем, остановившись напротив Виктора, спокойно и уверенно посмотрев на него, приказал своим людям найти тех, кому удалось вырваться из этого окружения, и расправиться с ними. Произнося свои громкие распоряжения, он даже не подозревал, что во взглядах этих «спасённых» мальчиков, смотревших на него, не было благодарности. В них затаилась лишь крайняя злоба.

Понимая, что этот человек отнял всё, что у них было, они молча разглядывали его лицо, боясь пропустить хотя бы одну морщину, которая помогла бы им, когда придёт время, узнать в случайном прохожем своего врага. Эти надменные линии Виктор помнил до сих пор, в них он и вглядывался с неподдельным интересом в ночь долгожданной расправы.

Следующие несколько недель трое выживших после побоища провели в больнице, постепенно приобретая способность двигаться. Здесь же Виктор Порохов, Александр Старовойтов и Макар Разин, оставив все обиды в прошлом, договорились во что бы то ни стало отомстить за смерть своих близких.

Позже их забрал оттуда Владимир Петрович, взяв на себя обязанности по их выживанию. Последний оставшийся из мастеров, спасённый своей далёкой поездкой, понимая, что теперь все считают их орден уничтоженным, решил тайно возродить его. И начал он с того, чтобы завершить прерванный людьми в чёрных масках обряд посвящения. Тогда троим новым членам братства, вместе получившим возможность вступить в него, он выжиг на теле клеймо, которое должен был носить каждый участник этой тайной организации. Это были инициалы ордена, сложенные в треугольник и очерченные кругом. И уже скоро они приступили к выполнению долгосрочного плана, который составили вчетвером. Так, Макар Разин, воспользовавшись тем, что тот человек в плаще считал себя его освободителем, навязал ему свою кандидатуру и стал его кучером, после чего принялся постепенно усиливать доверие богача к себе. Поэтому его так теперь и называли – Кучер.

Они стали последними, кто прошёл все испытания, ведь теперь Мастер был вынужден упростить процедуру посвящения в Орден, чтобы принять в него как можно больше желающих.

В ночь до того, как их месть должна была свершиться, а клан, который взял бразды правления в свои руки, был вынужден, потеряв своего правителя, сдаться, Порохов сидел возле тусклой свечи и, читая страницы книги, которая открылась ему тогда в могиле, понимал, что за свои деяния попадёт в ад, но он был готов принести эту жертву ради блага будущего всей страны. Поэтому теперь, когда через несколько дней после убийства того человека в плаще, уничтожившего их орден, он встретил ту незнакомку на вокзале, поработившую его разум, Порохов не мог принять этот инородный для своего сознания, отделившегося от мира простых людей, но прекрасный для его уже давно уснувшего сердца образ.

Даже мысль о том, чтобы впустить в себя какие-либо чувства, кроме ненависти и долга, допустить шанс на личное счастье и признать в себе человечность, казалась ему теперь, когда он уснул рядом со свечой, предательством.

Глава 4. Зачистка огнём

– Ты словно ночь не спал, – встретил Старовойтов Порохова, который, свесив голову, медленно шёл по коридору, но, наткнувшись на эти внезапно прозвучавшие слова, отшатнулся, испуганно посмотрев на своего друга, будто пытаясь понять, кто стоит перед ним. Однако забытый гнетущими размышлениями разум не позволил ему так просто оценить обстановку.

Теперь, когда сознание Виктора познало мир, в котором существует та девушка, встретившаяся ему на вокзале, оно больше не могло мириться с бесцветностью того пространства, что пыталось выдать себя за существующую реальность, но на деле представляло лишь бесформенную копию. С самого утра мучимый окружившей его пустотой, он ощущал внутри себя лишь непреодолимое чувство отчуждённости, словно прозрачная белая пелена, отделившее его от всего, что существовало за пределами его кожи. Виктор пытался бороться с этим неконтролируемым помутнением рассудка, но усилий его души не хватало, чтобы противостоять тому, что побеждало человечество на протяжении всего его недолгого существования. Поэтому всю дорогу до «Великой Акации» с каждым шагом всё меньше начинал верить в реальность происходящего, а каждый встреченный им экипаж, каждый прошедший мимо горожанин казался лишь влачащейся по суровой поверхности улицы опустелой сущностью.

Уже перед входом в ресторан его сознание окончательно отделилось от тела, что всё так же продолжало выполнять свою механическую работу, от которой не могло отказаться, ведь было件язано присутствовать на собрании, созванном по случаю прибытия Мастера. И чтобы избежать лишнего внимания к себе, Порохов хотел незаметно проскочить сквозь толпу, которая должна была собраться вместе в одном зале, и, укывшись в её недрах, позволить себе ослабить хватку разума за ускользающие границы реальности. Поэтому теперь он стоял посреди лестницы, ведущей в длинный коридор, расположенный на втором этаже тайной штаб-квартиры ордена, и раздосадованно смотрел на возвышающийся силуэт Старовойтова, чьи смазанные черты лица стали потихоньку проступать сквозь непреступную преграду, перекрывшую его сознание.

Порохов протёр глаза и, вновь уставившись на своего друга, выпалил:

– Я не опоздал?

Тот, разглядывая его ещё не пробудившиеся ото сна глаза, невольно улыбнулся и, расслабив плечи, спустился на пару ступенек, чтобы приблизиться к нему.

– Что с тобой? У тебя какой-то слишком уставший вид!

– Почти не смыкал глаз. Всё размышлял, сколько ещё предстоит сделать. Слишком незаметно подкралось время, когда пора действовать. А что там с собранием? Я вовремя?

– Пока все только собираются, – успокоил его Старовойтов. – Мастер же ещё даже не выходил из кабинета. Поэтому ты точно не последний.

Он был явно рад встретить хоть кого-то из своих ближайших товарищей. Виктор же хотел было облегченно вздохнуть, что ему не придётся собирать на себе взгляды тех, кто обернётся, чтобы посмотреть на посмевшегося бестактно опоздать, но вместо этого закатился почти истеричным смехом и, потеряв ощущение твердого пола под ногами, опёрся рукой о нежную, но специально замаскированную под дешёвую поверхность толстую стену, защищавшую это междумирье от случайного проникновения его тайн в наполненное жизнью пространство.

– Я... Мне надо отвлечься, – выдавил сквозь смех Порохов, заметив на себе вопрошающий взгляд Старовойтова, который, слегка опешив, уставился на него. – Голова кругом от последних событий.

В этот момент, осознав свою беспомощность от всех этих затмевающих разум мыслей, он абсолютно точно решил взять себя в руки и выбросить из головы навязчивый образ девушки, встреченной им на перроне. Виктор уже успел убедиться, что самостоятельно справиться с

этим невозможно, поэтому решил заставить работать мозг в другом направлении, в чём ему могло бы помочь какое-либо срочное поручение, выполнение которого потребовало бы полной отдачи и сосредоточенности. Чтобы отвести внимание последующей беседы от обсуждения этого неоправданного взрыва смеха, он, с трудом выстроив на своём лице наиболее спокойную гримасу, какую только смог себе позволить в борьбе со смехом, проговорил:

– Надеюсь, не заставят нас снова сидеть сложа руки. Не слышал, что Мастер затевает?

– Мастер-то... Он вчера весь день провёл в своём кабинете, ни с кем даже словом не перемолвившись, – охотно сделал вид, что резко забыл про беспричинный смех Порохова, Старовойтов. – Не знаю, что произошло с ним в поездке, но мне показалось, что лучше его не донимать расспросами, а дождаться общего собрания. Ты же вчера его встречал, неужели он ничего не рассказал?

Порохов покачал головой.

– Молчал как на допросе. Хотя говорил много, правда, не по делу.

– Не похоже на него.

– Да, но мы давно уже не виделись, а люди-то не чужие. Странно было, что...

Он не успел закончить свою мысль, как вдруг их кто-то окликнул из другого конца коридора, прервав дружескую беседу, разгоревшуюся посреди мрачной лестницы. Повернувшись в ту сторону, откуда раздался голос, они оба увидели стоявшего возле входа в зал, где должно было проходить собрание, Кучера, который усиленно махал им, движениями руки явно давая понять, что пора бы отвлечься друг от друга и пройти в зал. Виктор, жаждущий поскорее предотвратить выедание своего разума слишком прекрасным для его переполненной кровью жизни образом, кивнул другу, призывая его не заставлять Кучера долго ждать. Всю дорогу до двери он, ещё не отказавшийся от желания побыть наедине с собой, думал лишь о том, как бы ему избежать других подобных встреч. Однако войдя в зал и оказавшись в гуще столпотворения, он понял, что все опасения оказались напрасными...

Все пришедшие в этот день собрались в большой светлой комнате, окруженной пропускающими яркие солнечные лучи окнами, из-за чего казалось, что помещение светится само по себе, заставляя щуриться всех его временных обитателей, между которых Виктор вместе со Старовойтовым и Кучером пытались протиснуться поближе к приютившемуся в углу этой комнаты камину. Неподалеку отсюда был вход в кабинет Мастера, где тот и проводил почти всё своё время. В просветах между этими копошащимися головами Порохов заметил бегающий взгляд одного из охранников человека в кроваво-чёрном плаще и белых перчатках. Человека, который был убит благодаря тому, что не смог разглядеть в своих людях предателей. Скорее всего, сейчас этот актёр одной роли пытался найти в толпе троих друзей, с которыми наблюдал смерть того богача. Однако, продолжив разглядывать лица встречавшихся на пути собрания по ордену, Порохов не мог больше узнать никого из них. Было совершенно ясно, что все они не приходились случайными гостями ресторана, заплутавшими в его коридорах, и столпились здесь, целенаправленно ожидая начала собрания, но, оставаясь одним из ключевых членов братства, Виктор даже и представить не мог, откуда они взялись. Хотя на самом деле его это вовсе не беспокоило, и он спокойно расталкивал тех, кто вставал у него на пути, чему, учитывая его авторитет в здешних кругах, никто не сопротивлялся, но чаще всего они сами уступали ему дорогу.

Вдруг послышался хлопок двери, из-за чего Порохов обернулся и, увидев, что всё такие же неизвестные ему молодые люди полезли зажигать свечи, понял, что Мастер, которого он не мог увидеть из-за непроглядного поля голов, был уже среди этой толпы. Когда те скалолазы расправились со своими обязанностями, плотные шторы резко захлопнулись, и комната, ещё недавно игравшая всеми оттенками света, послушно погрузилась во мрак, освещаемый лишь тусклыми свечами и редкими лампами, а все голоса, ещё мгновение назад бушевавшие в воздухе, тут же стихли.

К началу выступления троица уже успела достигнуть своего излюбленного места возле камина, откуда ей сразу открылся вид на происходящее: Мастер, стоя перед толпой, медленно обводил её взглядом, словно пытаясь посчитать поголовье своего стада, после чего внушительно прокашлялся.

– Приветствую всех тех, с кем ещё не успел увидеться сегодня! – начал он. – Ни для кого не секрет, что моё долгое отсутствие было вынужденным, и причины его тоже были всем ясны. Много сил пришлось потратить на эту поездку, но результат оказался плачевный. Те, кто раньше мог поставить оружие нам, в последний момент отказались. Теперь вся надежда остаётся на тех, кто уже успел согласиться. Я имею в виду местных поставщиков, что не было бы проблемой, если бы они были более надёжными и не такими жадными...

Вдруг откуда-то из толпы послышался чей-то голос:

– А почему же мы не можем обратиться к Хранителю Кодекса? Пусть он поговорит там... наверху!

Покоробившись от этого бесцеремонного выкрика, Мастер снисходительно посмотрел в толпу, пытаясь понять, откуда до него долетели эти слова.

– Мы не в том положении, чтобы просить их о чём-то. Они и так усомнились в нас, поэтому мы должны разобраться со всеми своими проблемами самостоятельно, чтобы ещё больше не подпитывать их сомнения. Но нам нужно оружие, иначе все наши труды, труды наших предков будут напрасны...

Он говорил громко и был настолько уверен в своих выражениях, что, казалось, ему было достаточно лишь слов, чтобы творить историю, за которую они боролись всем орденом. Это было громко! Впечатляюще! Но так бережно... Все были поглощены потоком его наставлений, но Порохов уже не слушал его дальнейшую речь, ведь он и без того понимал, что здесь будет сказано. Наверное, он единственный из всей толпы видел, что истинной целью этой короткой лекции было лишь стремление отвлечь народ от насущных проблем. Даже Старовойтов с Кучером замерли, вслушиваясь в каждое его изречение. Но потеря интереса не была напрасна для Виктора. Это позволило ему обдумать возможные варианты трудностей, которые могли бы возникнуть теперь, после сорвавшихся сделок, но, временами снова возвращаясь в этот зал, он не мог не заметить поспешность речи своего наставника.

Тот говорил, казалось, пытаясь переговорить самого себя, словно это были последние его минуты. Да и само собрание в этот раз длилось намного меньше обычного, что и подметил Мастер, когда, отпустив всех по своим делам, быстро подошёл к троице, стоявшей у тлеющего камина.

– Сейчас долгие речи себе я позволить не могу! Времени у нас почти не осталось! Нужно действовать быстро!

Он оглядел их, словно ожидая какой-то реакции, но все молча согласились, даже не подумав с ним спорить.

– Кучер! – обратился он к одному из них. – Ты работал в их семье очень долгое время! Поэтому, если я в чём-то ошибаюсь, перебежь меня, если нет, то подтвержай.

Тот выпрямился в полный рост и кивнул головой.

– Как мы знаем, это клан. Семья, – продолжил Мастер. – Значит, помимо наёмных отрядов, которые они используют лишь в качестве грубой силы, в нём состоит каждый, кто имеет кровное родство с его главой, который больше не представляет угрозы.

Кучер вновь кивнул головой.

– Хорошо...

– Хотите, чтобы мы...? – замялся Старовойтов.

– Да. Не со всеми! Они думают, что нас истребили, а систематическая вендетта выдала бы нас с головой. Сейчас же, когда их предводитель мёртв, они могут только догадываться.

– А убийство ещё нескольких членов их семьи нас не выдаст? – засомневался Порохов.

Мастер впервые за весь день улыбнулся, после чего отвёл взгляд в сторону, словно хотел показать этим жестом всю хитрость своего плана.

– Убийство – несомненно! Несчастный случай – ну, с кем не бывает?

С этими словами он положил руку на плечо Кучеру и продолжил:

– Мы не знаем, что затевали они, кроме того, что они что-то затевали! Кучер был близок им, но он не был членом семьи, а это значит, что он не мог попасть в орден, поэтому их планы были для него закрыты. Единственное, что мы знаем, так это их интерес к революции. Так? – вновь обратился он к Кучеру и, заметив его кивок, продолжил, вновь обращаясь к нему: – Тебе известно, кто может нам помешать?

Кучер на секунду задумался, после чего промямлил:

– Любой из них. Я не знаю, кто и в какой степени здесь замешан.

Мастер вновь улыбнулся и развёл руками.

– Но давайте задумаемся... – продолжил он. – Если это семейный клан, то кто может стать продолжателем кровного дела, если лидер выбыл из игры?

– Жена, – ответил Кучер. – Но она давно умерла. Значит, дети, чей возраст уже позволяет управлять кланом.

– В точку!

– Избавиться от всех ближайших родственников, – подхватил Старовойтов.

– Устроить пожар, – заявил Мастер. – В доме нашего врага также могут оказаться важные бумаги, которые тоже следует уничтожить вместе с ними. Это даст нам фору.

Все трое опустили головы, понимая необходимость этих жестоких мер, Мастер же решительно подвёл итог разговора:

– Времени ждать у нас больше нет! Дом сжечь, всех, кто там будет, уничтожить. Сделать это надо немедленно! Прямо сейчас! Кто знает, какой ход они могут предпринять, пока мы медим...

День показался Порохову таким ярким, но в то же время необычайно тяжёлым, когда он, засунув руки в карманы, направлялся один к тому большому поместью, чья судьба была уже предрешена. Он проехал большую часть дороги в экипаже, но, чтобы привлечь меньше внимания, вышел из него, когда на горизонте показалась крыша этого великолепного здания, чьи масштабы и архитектурные ухищрения заставляли любого наблюдателя сомневаться, что оно принадлежит этому миру, существует среди его бескрайних просторов и может откликнуться на прикосновения пальцев физическими ощущениями. Первой же реакцией Виктора от взгляда на размах этого строения было недоумение от того, что теперь кто-то может позволить себе такие особняки, но это удивление быстро прошло, когда он вспомнил, с кем имеет дело. Поэтому его следующей мыслью стали расчёты того, что можно было бы сделать во благо страны за те деньги.

Трое друзей решили действовать по старому плану: Виктор должен был усыпить внимание цели и впустить Кучера и Старовойтова в дом, которые сейчас либо ехали за динамитом, либо уже направлялись сюда вместе с ним, чтобы те без лишнего шума могли попасть внутрь и заняться его установкой. Такую расстановку сил в своей компании они придумали уже давно, и каждый был ею доволен. С обязанностями Порохова не мог справиться ни Кучер, которого их враги знали в лицо, из-за чего ему лучше было вообще не показываться, ни Старовойтов, который не мог похвастаться таким искусным умением вводить собеседников в состояние транса своими разговорами и усыплять их внимание, как сам Виктор. Поэтому он и появлялся всегда первый.

Теперь же Порохов шёл по ухабистой дороге и пытался придумать историю, которая бы могла оправдать его столь неожиданный визит. Вариант с тем, что его экипаж поломался неподалеку от их дома, казался ему самым простым, а значит, требующим меньше разъяснений и излишней усердности в актёрских потугах.

Стараясь привлечь меньше внимания, он достиг больших дверей, довершающих картину узорных стен, много веков простоявших в нерушимом спокойствии, которому пришло время быть нарушенным.

Вокруг поместья не было никого, кто мог бы его встретить. Всюду правила пустота, как и в самом доме, где в последнее время было слишком тихо, что хоть и радовало пожилую служанку, плохо переносившую прошлую суматоху, царившую в этих стенах, но и немного раздражало оттого, что дом теперь казался ей мёртвым. Она с самого утра пыталась найти себе занятие, чтобы избавиться от тоски, нависшей над всеми после гибели их господина, поэтому, когда раздался треск дверного колокольчика, она как раз проходила мимо, держа в руках небольшой старый мешок, но теперь была вынуждена встретить нежданного гостя. Она поспешно, насколько позволяли ей её больные ноги, подошла к двери, открыв которую, увидела самого обычного молодого человека, попавшего, как ей показалось, в какую-то наименее приятную ситуацию. Такой неожиданный визит явно не обрадовал её, поэтому она сначала молча тяжёлым взглядом осмотрела Порохова, после чего выпалила:

– Чем могу быть полезна, сударь?

Порохов поприветствовал её и поспешно начал объяснять, что его карета упала в кювет и перевернулась неподалёку от этого дома, что он хотел бы просить у них помощи, если это, конечно, не будет их сильно утруждать. Старуха молча выслушала его, после чего пригласила войти, сказав, что позовёт госпожу, которая, должно быть, разбирает бумаги, нахлынувшие на неё после недавних трагических событий.

Проследив за ней и удостоверившись, что та, поднявшись по большой мраморной лестнице, исчезла где-то в недрах дома, Порохов, сложив руки в карманы, стал расхаживать вдоль стен, рассматривая живописные картины.

Они висели прямо на уровне его глаз и были хорошо освещены льющим с улицы светом, отчего никаких сложностей в их изучении не было, но, несмотря на все удобства для наслаждений ими, они были просто неподвластны его восприятию. Одни из них были красивы и привычны глазу, но чаще всего его взору представляли неопишуемые простым человеческим языком полотна. Так они сменялись одно другим, пока Виктор не достиг нечта, затмевающего все предыдущие странные, как ему показалось, неряшливые рисунки. Это заставило его на секунду онеметь от неспособности его мозга осознать увиденное. Он пододвинулся ближе, чтобы всё лучше рассмотреть, но картина словно расступилась перед его взором, он сделал пару шагов назад – и это всё превратилось в какую-то кашу.

Порохов, забывшись, хотел было взять это полотно в руки, чтобы покрутить, как вдруг услышал чей-то грустный, но звонкий голос:

– Вам нравится авангард?

Эти слова хоть и были достаточно громкими, однако не сумели сразу разбудить оглушённое сознание Порохова, который, уже успев потянуться к нечеловеческому изображению, всё же опомнился и, приготовившись словесно наброситься на ничего не подозревающую жертву, медленно повернулся к источнику этого голоса, но тут же оказалось, что это набросились на него...

Оцепенев от резко разгоревшегося в его груди непереносимого ужаса, потерявший контроль даже над своим дыханием Виктор отчаянно боролся с тревожным и почти смертельным осознанием того, что женщина, стоящая на одной из ступенек белоснежной мраморной лестницы и одетая в чёрное траурное платье, которая произнесла эти привлекающие внимание слова, была той самой прекрасной незнакомкой, замеченной им на перроне пробуждающегося вокзала.

Глава 5. Чёрные маски

Из всех возможных неприятностей, поджидавших Порохова в этот день, самый большой удар ему решил нанести именно такой исход событий. Он, неуклонно превращаясь в ледяной камень, всё так же молча стоял среди невразумительных для его мозга картин, вцепившись взглядом в молодую девушку, призраком поселившуюся внутри его помрачённого разума. С того самого утра, когда он, стоя на перроне, заметил её в толпе, Виктор пытался бороться с этим опьяняющим образом, надеялся выкинуть её из головы и забыться в рутине своей опасной для жизни повседневности, но теперь она стояла здесь. Стояла перед ним. В паре метров. И его глаза не вращались! Хоть он им не верил. Но, несмотря на всю иллюзорную видимость реальности, сложно было отрицать, что это именно та девушка возвышалась над полом на высоте нескольких мраморных ступенек и теперь уже медленно спускалась, словно небесный обитатель, приходящий в земной мир, всем видом показывая своё нетленное спокойствие, но в этой уверенной и твёрдой походке можно было заметить неуклюжую робость, сковавшую этот парящий силуэт.

Он нашёл её! Но в каких обстоятельствах...

– Сколько же чёрту заплатили за такую злую шутку? – пробудившись от оцепенения, безнадежно прошептал Виктор.

Облачённая в чёрное платье, она на секунду замерла, явно пытаясь понять, что промямлил этот неожиданный гость, после чего продолжила свой ход, словно ничего подобного и не произошло.

Вновь овладев своим телом, Порохов осторожно поклонился, словно боялся спугнуть лучи света с её хрупких плеч, затем выпрямился и, попытавшись хоть как-то успокоиться, начал было вновь объяснять причину своего визита, но тут же осознал, что все мысли разбежались от него, спрятавшись где-то в оглушающем стуке его взволнованного сердца.

Он начал судорожно рыскать в воспоминаниях, прорываясь сквозь эту толщу несвоевременного забвения, а девушка тем временем уже успела достичь пола и теперь направлялась к нему. В этот момент Порохов заметил, что она что-то ему говорит, но эти слова пролетали мимо его ушей, что ввело его в ещё больший испуг, из-за чего он, дрогнув всем телом, стал хвататься резко очнувшимся слухом за все звуки, но успел расслышать лишь последние слова:

– ...можно кого-нибудь?

– Что? – вдруг выпалил он.

Девушка недоумевающе посмотрела на гостя, словно не верила своим ушам, что тот не мог не заметить, после чего, выпрямившись, попытался исправить положение:

– Извините, я забыл представиться! Порохов Виктор Алексеевич.

Но он тут же осознал, что, выдав своё настоящее имя, подставил под опасность весь орден, мысль о чем вновь заманила его сознание в размышления.

– ...но меня чаще называют просто Лили, – снова вырвали его в реальный мир слова девушки.

Порохов, внезапно погрузившись в размышления, не услышал ни её фамилии, ни отчества, поэтому мог только догадываться, почему она здесь. Но её причастность к этому клану теперь была очевидна. Он, слегка напрягшись, глубоко вздохнул, надеясь полностью пробудиться и разогнать ещё пульсирующее в венах волнение.

– Лили, – повторил Виктор. – На французский манер?

Стоящая рядом с ним девушка заметно смутилась и кивнула головой.

– Лили, прошу меня извинить за мой незапланированный визит, но у меня есть важное дело, которое мне надо обсудить с владельцами этого дома.

Виктор сказал это, сам того не ожидая. Он надеялся в её ответе уловить хоть какой-то намёк на причину её присутствия здесь, в доме, который был уже вычеркнут из списка тех, кому разрешено влачить своё существование, хотя, если учесть роскошь этих стен, определение списка к нему вовсе не подходило.

– Я думала, что у вас проблема с экипажем, – спокойным голосом произнесла Лили.

Тут Порохов вспомнил изначальное оправдание своего визита, но пути назад уже не было, поэтому он уверенно настоял на своём:

– Я не хотел, чтобы посторонние знали об истинной цели моего прихода сюда, но мне крайне необходимо поговорить. Это важно!

– Теперь я хозяйка этого дома, поэтому вы можете обсудить всё со мной.

Эти слова вновь ошарашили Виктора, который, теперь уже боясь услышать следующий ответ, робко спросил:

– Я не совсем понимаю, почему?

Девушка, умоляюще посмотрев на него, опустила взгляд, словно пытаясь скрыть слёзы, и тихим голосом произнесла:

– Моего отца нашли мёртвым в парке пару дней назад... Теперь этот дом мой.

Тут же после этих слов Виктор, схватившись за голову, оставил всякую надежду. Он был разорван на клочки. А в голове витала лишь одна терзающая душу мысль: «Как же такое может быть?».

Послышался глубокий вздох Лили, и она вновь подняла голову, украшенную благородным спокойствием, ожидая дальнейшей реакции этого странного гостя, но Виктор же был окончательно раздавлен. Казалось, что девушка, недавно потерявшая отца от рук человека, стоявшего теперь перед ней, была вовсе не удивлена его визиту. Она уже привыкла, что её отец как-то был связан со многими людьми, которые часто навещали его здесь. Они всегда появлялись неожиданно. Лили не замечала ни их прихода, ни того, как они покидали этот дом. Ей казалось, что эти странные существа появлялись из ниоткуда, а после просто растворялись в воздухе. И в какой-то момент незаметно для самой Лили она просто перестала обращать на них внимание, но и по сей день во снах её преследовала первая встреча с ними, причиной которой стала смерть одного из её самых близких людей. В момент, когда ещё совсем юная Лили зашла в спальню своих родителей, её здесь ждали меньше всего...

Тогда, подойдя к двери, она услышала чьи-то довольно грубые голоса, разобрать которые в этом общем потоке речи было невозможно, но это лишь ещё сильнее разожгло её интерес, порождённый странным поведением всех домочадцев, которых она встречала по пути сюда, проходя через длинные коридоры и залы их родового поместья, казавшегося ей огромным лабиринтом.

На момент остановившись, она прислушалась, боясь своим приходом отвлечь тех, кто был по ту сторону, от важных дел, но желание встретиться с матушкой, которая почему-то пропустила утреннюю прогулку, из-за чего ей пришлось гулять одной с няней, пересилило её опасения. Лили робко отворила тяжёлую деревянную дверь и, сделав неуверенный шаг, заглянула внутрь комнаты, где, склонившись над кроватью, плотным строем стояли какие-то люди и полушёпотом, который, сливаясь воедино из уст нескольких говорящих, превращался в жуткий гул, что-то обсуждали. В другом углу комнаты на старинном стуле возле большой картины с бушующими волнами, готовящимися наброситься на одинокий плот, сидел, вцепившись обеими руками в своё измученное лицо, её отец, явно не обращавший внимания ни на странных людей, окруживших кровать, ни на уже успевшую войти в комнату дочь.

Эта картина, которая представилась Лили в спальне её родителей, по накалу своей трагичности казалась ей театральным представлением, устроенным по каким-то неведомым причинам в столь необычном месте, что даже задело её чувства от осознания, что её мама предпочла эти игры вместо их ставшей уже традицией утренней прогулки по саду. И, не желая

оставаться в стороне, она бросилась к кровати, чтобы тоже стать частью необычной постановки, но не успела Лили взобраться на одеяло, как кто-то крепко схватил её за платице прямо в полёте и медленно потащил назад.

Выкрутившись так, чтобы можно было разглядеть своего похитителя, она увидела грустный, но твёрдый силуэт отца, тащившего её обратно к выходу. Лили тут же начала брыкаться и вопить, но, заметив его строгий взгляд, от которого даже другие находившиеся здесь люди стихли, ей пришлось повиноваться и повиснуть в его руке. Тогда, чтобы облегчить себе задачу, он поднял её и закинул на плечо, видимо, желая поскорей выставить дочь за дверь. Но перед тем как окончательно раствориться за пределами родительской спальни, Лили кинула обиженный взгляд на кровать и поняла, что у отца были причины не пускать её сюда... Неподвижное тело матери лежало под тяжёлым слоем одеял, которые больше не могли согреть её, несмотря на все бесчисленные попытки. Посиневшая кожа сливалась с цветом каких-то странных камешков, которые лежали на её закрытых веках, а губы были слегка приоткрыты, словно она всё ещё пыталась что-то сказать своей дочери, исчезающей за деревянной дверью.

Отец вынес юную нарушительницу мёртвого спокойствия её матери из комнаты, закрыв за собой дверь, и опустил дочь на пол прямо возле неё.

– Лили, – тихим голосом произнёс он, присаживаясь перед ней на колени, после чего сделал паузу, пытаясь подыскать слова, чтобы объясниться, не задев её чувств, – я не хотел, чтобы ты вот так узнала о том, что произошло... Не так резко. Но теперь ты всё увидела своими глазами...

Он снова замолчал, смотря в лицо дочери, после чего резко опустил взгляд, взъерошивая им пол. Казалось, что он и сам не хотел признавать то, что произошло, из-за чего те слова, которые он теперь должен был произносить, воспринимались им самим же не соответствующими реальности, но иных вариантов у него не было.

– Я тебе обещаю, что эта смерть не останется без отмщения, – продолжил он, всё так же смотря вниз, но вдруг резко вновь устремил взгляд на Лили. – Во всём виноваты те, кто вместо того, чтобы выполнять свои прямые обязанности, возложенные на их плечи самой историей, думают лишь о своей выгоде. И раньше все мучения её... наши... были из-за них. Но я не думал, что всё дойдёт до такого...

Он схватил свою дочь, не умеющую ещё реагировать на такие повороты судьбы, отчего стоявшую без движения с глазами, плывущими в безмолвных слезах, за плечи и пододвинул ближе к себе.

– Придёт время, и всё изменится! Но сейчас у нас есть враги, которые, может, пока и не знают о нашем существовании, но, как только мы начнём действовать, попытаются сделать всё, чтобы помешать нам... Мы не предоставим им такого шанса. Только не теперь!

Тут он снова замолчал, убедившись, что Лили внимательно ждёт его последующих слов, и уверенным тихим голосом заявил:

– Но когда придёт время, ты должна быть готова!

– К чему? – раздался дрожащий детский голосок.

Отец Лили сжал губы, думая, что ответить, но вдруг произнёс:

– Тебе пока рано это знать.

Он отвёл взгляд в сторону и, заметив скользящую по коридору служанку, подозвал её, приказав забрать Лили, которая всё так же бездвижно пыталась заплакать, но была слишком напугана даже для этого, и отвести в её комнату. Она взяла за ослабевшую ручку юную дочь человека, который теперь, несмотря на жгучую боль внутри себя, был уверен в своих планах как никогда раньше, и, подбадривая её, поспешила выполнить полученный приказ.

Весь оставшийся день Лили провела в своей комнате, куда ей приносили еду, что теперь никто не осуждал, как раньше, ведь всем было попросту не до этого. Однако ближе к вечеру, сидя возле окна, она стала замечать экипажи, подъезжавшие прямо к дверям её дома, откуда

выходили странные мужчины и женщины в чёрных костюмах и платьях. Она пыталась взглянуть в их лица, чтобы понять, кто это, но казалось, что их попросту нет, или они надёжно скрывались под головными уборами. Во двор один за другим заезжали конные экипажи и, перед тем как вновь раствориться где-то в глубине нависшего среди деревьев тумана, высаживали безликие силуэты, похожие больше на тени, нескончаемый поток которых просачивался в стены её дома, казалось, заполняя его до краёв, что должно было породить оглушающий гул взрослых речей. Но Лили не слышала даже малейшего намёка на это. Дом растворялся в тишине, нарушаемой лишь стуком копыт лошадей, погоняемых сидевшими на козлах кучерами. Лили казалось, что это родное для неё здание поедало эти столь чужие сущности.

Разъедаемая неукротимым интересом, она вытерла полусухие слёзы с побелевших щёк и неуклюже побежала к двери, которая, к её удивлению, оказалась закрытой. Такого никогда ранее не случалось, поэтому Лили начала было её дёргать, как тут же эти потуги сменились яркими ударами маленьких кулачков. Она не могла оставаться здесь. За весь день, проведённый в этой просторной, но в этот момент показавшейся безумно мрачной комнате, она успела достичь состояния, когда любое препятствие начинало душить её, поэтому больше не могла стерпеть границ, которые бы останавливали её. Лили молотила по двери так, что даже крики с мольбами выпустить её заглушались в этом хаосе ударов.

Вдруг откуда-то из внешнего мира, ограждённого от неё этой неприступной дверью, раздался успокаивающий голос гувернантки, словно пытающийся ослабить её пыл и незаметно усыпить:

– Что такое, дорогая? Зачем же ты так стучишь?

– Откройте мне дверь! – выкрикнула Лили.

– Зачем же это? Ты приляг, отдохни.

– Я хочу выйти!

– Но ты отдохни. Пока. Тебе надо отдохнуть. До кушанья ещё рано, а аппетит не стоит пребывать гулянием по дому.

Лили отпрянула от двери, молча уставившись на неё, словно увидела там призрака, и вдруг тихо прошептала:

– Да и вы же от меня что-то скрываете...

Просидев весь день, никуда не выходя и ни на что не отвлекаясь, она с ужасом для себя обнаружила, что, как бы много отец ей ни наговорил, когда пытался увести её от матери, ничего конкретного он ей так и не сказал. После его слов появилось лишь больше вопросов, чем ответов. Ей казалось, что он что-то пытался скрыть от неё. А теперь ещё и гувернантка, которая всегда казалась ей самой открытой и дружелюбной.

– Что ты сказала, дорогая? – вновь раздался голос за дверью.

Лили должна была узнать, что скрывала от неё эта дверь. Она чувствовала, что снаружи происходит нечто важное, от чего её хотят отгородить, и даже теперь, когда внизу творится что-то страшно интересное, её не выпустят из этого заточения.

Она затрясла головой, словно гувернантка видела её сквозь дверь, и крикнула:

– Нет, ничего.

В ответ послышались усердные нравоучения, но внимание Лили уже растеклось по комнате, оставив слова её няни в распоряжении тишины.

Скользкий взгляд искал любую возможность покинуть комнату, но единственным выходом показалось окно, прямо за которым располагалась просторная терраса с плетёной решётчатой стеной по одной стороне, с помощью которой можно было легко спуститься вниз. Осознав это, Лили незамедлительно приступила к рискованному побегу. Она аккуратно перескочила через открытое окно и очутилась на скользкой крыше, слезая с которой, надеялась лишь на то, что гувернантка не зайдёт к ней в комнату и не обнаружит пропажу – её же тогда хватит удар! Ловко миновав высоту второго этажа, Лили ступила на холодную землю своими

туфельками, почувствовав вечерний морозец, который охватил её, застав врасплох, из-за чего та обняла себя обеими руками и стремительно побежала вокруг дома, надеясь незаметно прошмыгнуть через задний вход, что, стоит заметить, ей удалось без особого труда.

Стараясь не издать ни единого звука, она аккуратно прикрыла дверь, которую в это время всегда оставлял незапертой старый садовник, чтобы, отправляясь на вечерний обход, не идти за ключами через весь дом, и небольшими шажками отправилась обследовать первый этаж.

С каждым шагом Лили прислушивалась, боясь пропустить хоть один признак того, что здесь кто-то есть, но никаких результатов это не дало. Так она обошла все залы, заглянула во все кабинеты и комнаты, проверила все коридоры, но не смогла найти ни единой зацепки. Однако, даже не думая отчаиваться, ведь она видела своими глазами, что толпы людей проходили внутрь дома через главный вход, Лили вновь проделала этот путь, но теперь уже не опасаясь быть замеченной, из-за чего робкие шажки сменились раскатистым бегом, заметно ускорившим поиски. Но отчаяние с каждой очередной комнатой всё ближе подкрадывалось к её уже начавшей остывать голове. После ещё одной провалившейся попытки она хотела пойти на третий круг, хотя, преодолев лишь несколько больших комнат, решила осмотреть и второй этаж, куда боялась прежде идти, так как знала, что там где-то сидит её гувернантка. Однако спустя долгие попытки найти хоть кого-нибудь она уже не хотела просто так сдаваться, ведь не могло быть такого, чтобы все эти люди просто испарились.

Лили, вновь обретя дар осторожности, прокралась по широкой мраморной лестнице вверх и, медленно вырастая над последней ступенькой, старалась прислушаться. Но тишина настигла её и на втором этаже. Пригнувшись настолько, что руками могла ощущать излучаемую полом прохладу, она обследовала ещё несколько комнат. И всё-таки дальше идти Лили не решилась, боясь быть обнаруженной гувернанткой, что сидела посреди коридора и внимательно читала какую-то книгу, время от времени мельком кидая взгляд на дверь спальни, которая уже давно пустует.

В попытке, понадеявшись на удачу, проскочить незамеченной мимо неё больше не было никакого смысла, ведь тишина, охватившая стены дома, была уже более чем очевидна. Поэтому, сделав глубокий вздох, Лили должна была признать, что дома никого, кроме неё, гувернантки и пары служанок, не было. Она всё так же аккуратно вернулась к лестнице и присела на одну из белоснежных ступенек, после чего обвела взглядом пространство и, несмотря на всю странность ситуации, вдруг осознала, что чувствует себя здесь в безопасности. Ей казалось, что этот дом всегда защитит её, что бы ни произошло. И никто посторонний здесь не сможет причинить ей боль. Хоть это родное для неё здание и таило множество тайн, к бесконечному списку которых прибавилась теперь ещё и пропажа стольких странных людей.

Смирившись с неудачей, Лили свесила голову над бесконечной пропастью лестницы, но тут же её размышления нарушил грохот двери, которая отворилась перед новой волной гостей, отчего юная сыщица резко подскочила и, не желая быть замеченной, быстро взбежала по лестнице и скрылась за углом.

Она прижалась к стене, испуганным взглядом бегая в пространстве, не находя в себе сил выглянуть, чтобы разглядеть тех, кто так неожиданно прервал её едва успевшие начаться размышления. Страх овладел её телом, но когда сквозь оцепенение до её слуха донёлся удаляющийся звук шагов, она, несмотря на тряску в ногах, сумела найти в себе силы, чтобы расстаться с холодной стеной. Вынырнув из-за угла, она всмотрелась во мрак первого этажа, но ей удалось разглядеть лишь спины трёх взрослых мужчин, чьи невидимые головы оказались скрыты под капюшонами. Неразборчиво беседуя о чём-то, они были больше похожи на шипящих змей, чья тихая речь не поддавалась расшифровке. Так, разбавляя пустоту коридоров холодом своих одеяний, они направлялись в восточное крыло дома, не замечая, что охваченная небывалым напором любопытства и страха Лили уже начала следить за ними, тихо шагая по пятам.

Трое мужчин шли через весь дом, минуя двери комнат, которые ещё недавно безрезультатно осматривала девочка, теперь пристально следящая за ними, надеясь обнаружить толпу странных людей. Лили пряталась за выступами, за шкафами, комодами, но как только её жертвы скрывались за очередным поворотом, она выскакивала и, не оглядываясь по сторонам, бежала в ту сторону, где только что их видела. Угол за углом, поворот за поворотом, пока три человека в капюшонах не зашли в зал, находящийся в самом конце коридора. Они захлопнули за собой двери, а Лили, не понимая, как она могла совсем недавно заглядывать в это помещение и не видеть целую толпу собравшихся здесь гостей, побежала следом.

Миновав небольшое расстояние, разделяющее её и разгадку этой тайны, она прижалась к большой деревянной двери, пытаясь услышать, о чем говорят те, кто находится по ту сторону, но, как и раньше, её оглушал лишь звон тишины и её собственное взвинченное от нетерпения разобранье во всём дыхании. Совсем сбитая с толку, она аккуратно приоткрыла дверь, надеясь увидеть сквозь щель стоявшую молча толпу, но просторная комната оказалась пуста.

Никакого намёка на жизнь, кроме юной Лили, которая, осмелев, уже полностью зашла в этот зал. Пустота. Это можно было бы считать магией, если только не представить, что все гости спрятались в одной из тех катакомб, к строительству которых так скрупулёзно относились её отец и дед. Мысль о подземных коридорах пришла Лили в голову совершенно случайно, когда она, усевшись в кресло, стала рассматривать стены и вспомнила, что где-то здесь раньше была ещё одна дверь, которая, похоже, теперь была надёжно спрятана, отчего, получив надежду на разгадку этой тайны, она быстро соскочила на пол и принялась рыскать руками по стенам, где, как ей казалось, она видела раньше этот тайный проход. Но, не успев приступить к разгадке этой головоломки, она услышала, как со двора вновь стал доноситься стук копыт, предвещавший скорый приход новых гостей, которые точно так же исчезнут где-то среди этого мистического пространства.

Подгоняемая нарастающими звуками, Лили начала судорожно лапать стены, проводя руками по всем выступам, пытаясь нажать на все, что попадалось ей, но громкие шаги после короткого затишья вновь послышались. И достаточно близко. Отчего ей пришлось спрятаться за большим креслом, стоящим в самом углу, которое могло бы помешать ей укрыться, будь Лили хоть чуточку больше, но её детский рост как нельзя лучше способствовал маскировке. Это было очень кстати, ведь в тот самый момент, когда она удобно устроилась в своём укрытии, в зал вошло несколько человек, силуэты которых ей было сложно разглядеть ввиду того, что весь возможный обзор был ограничен узкой щелью между креслом и полом.

Они говорили тихо, едва уловимо, словно боялись разбудить эти стены. Компания остановилась напротив одного из книжных шкафов, затем раздался громкий треск, и люди, вошедшие в комнату, погрузились в открывшуюся перед ними тьму, которая тут же поглотила и Лили, со всех ног забежавшую за ними в тайный проход, пока тот вновь не закрылся.

«Зачем же я сюда пошла?» – раздалось у неё в голове, когда свет, исходящий из оставшейся позади комнаты, пропал за хлопнувшей дверью, но пути назад уже не было. Осталось только поддаться своей злобной судьбе, скрывшейся посреди этой тьмы.

Лишившейся возможности использовать своё острое зрение Лили пришлось на ощупь прорываться сквозь непроглядную тьму холодного коридора, ведущего в неизвестном направлении, где она раньше никогда не была, даже когда эти подземелья только строились. Её сюда просто не пускали, поэтому теперь в ней боролись страх и желание увидеть то, что спрятано среди этих тайных ходов. Но, не зная, стоит ли вмешиваться в дела взрослых, она остановилась, мысленно пытаясь внести хоть какую-то ясность в то, что происходит. Мысль о том, что этот поход может плохо кончиться не только для неё, но и для её отца, если что-то пойдёт не так, заставила её вспомнить, насколько уютна была её комната, где ещё совсем недавно она сидела возле окна и наблюдала за приезжими экипажами. Ей вдруг захотелось вновь оказаться там, ограждённой от всех опасностей за надёжно закрытой дверью. В этот миг она ощутила,

что слёзы снова стали смачивать её высохшие от страха неизвестности щёки, а ноги, едва трясущиеся от холода, начали слегка подкашиваться, словно превращаясь в нежную вату.

Лили почувствовала, что её голова начала кружиться, и хотела было присесть на пол, но вдруг услышала знакомый громкий треск и тихие голоса, отчего тут же резко вскочила, боясь оказаться замеченной, и бросилась куда-то дальше во тьму, которую стал небрежно разведать зажжённый новой партией гостей факел. Она бежала, спотыкаясь и ударяясь о выступы, настигающие её из пола и стен. Обнаруживая руками в темноте широкие проёмы в стенах, она тут же бросалась в них, стараясь не пропустить ни одно ответвление от основного коридора. Ей хотелось спрятаться подальше от тех людей, но она и сама не понимала, осознаёт ли, что, укрываясь от них, всё глубже уходила в тёмные катакомбы. Вскоре она оказалась в помещении, не имеющем ни начала, ни конца, ни стен, ни, казалось, даже потолка. Однако пол теперь стал уходить куда-то вниз под сильным наклоном, из-за чего Лили пришлось чуть ли не прижиматься к нему, чтобы не упасть. Иногда она натыкалась на взявшиеся из ниоткуда лестницы, но затем оказывалась во всё таких же странных помещениях с сильным наклоном. Благо, поверхность пола была здесь достаточно шершавой, чтобы не соскользнуть вниз.

Темнотой был полностью пропитан тяжёлый воздух, скрипящий в сдавленных от страха лёгких. Казалось, что выхода отсюда не было, отчего каждому, кто забредёт так далеко, суждено было стать частью этой сковывающей тьмы, порабошающей разум и усыпляющей чувства, чтобы жертва просто смирилась со своей судьбой.

Каждый новый переход из коридора в коридор уводил Лили всё глубже вниз, а она всё шагала вперёд, ругая себя за то, что вот так просто решила пойти наперекор отцу, который явно не хотел, чтобы она покидала свою комнату в этот вечер, и стараясь смириться с неизбежным. Но надежда вновь разгорелась внутри неё, когда она увидела в конце очередного тоннеля яркий луч света, пробивающийся сквозь какое-то окно в полу. Желая покончить со своим путешествием, она, вытерев слёзы, бросилась к нему, но поверхность этого прохода оказалась настолько скользкой, что уже через какое-то мгновение после своего рывка та кубарем летела вниз, раздирая кожу в кровь, отчего и без того уставшие ноги теперь ныли от нестерпимой боли, впивающейся лезвием в сдавленные под весом всего тела кости.

Ещё пара мгновений свободного полёта – и Лили обнаружила, что её ноги висят над какой-то пропастью, откуда безжалостным вихрем прорывался ослепляющий её привыкшие ко всепоглощающей темноте, поселившейся в этих катакомбах, глаза свет, а остальное тело ещё не успело погрузиться в эту светлую пучину, зацепившись рукой за один из выступов в полу. Затем паника скользящих по полу ногтей затихла, уступив место с удивлением наблюдавшей за ней тишине, и все движения окончательно застыли.

В таком положении она, как ей показалось, висела довольно долго, пока её оцепеневшее от страха тело не стало вновь пробуждаться, отчего рука, которая вцепилась в спасительный выступ совершенно машинально, вновь обрела способность повиноваться своей перепуганной владелице, вовремя не осознавшей необходимость держаться, и начала соскальзывать с отсыревшей поверхности этого выступа, пока полностью не отсоединилась от неё. И не успевшая понять всю опасность ситуации Лили полетела куда-то вниз, ничего не видя из-за яркого света, которым была наполнена та неизвестность, с которой ей пришлось столкнуться. Но боль от этого столкновения обрела и физическое проявление, когда падающее тело встретилось с твёрдым каменным полом.

Взвизгнув от нестерпимой боли, Лили хотела было схватиться за ослеплённые глаза, чтобы их протереть, как вдруг услышала громкие голоса, раздающиеся рядом с ней. Она соскочила, тут же согнувшись из-за вновь взбесившейся боли, и начала крутиться на месте, мечась в пространстве всё так же на ощупь, как делала это ещё совсем недавно в полной темноте.

Вдруг зрение стало проясняться, и Лили завопила от страха, увидев, что её окружили странные существа с чёрными и мёртвыми лицами, спрятанными под капюшонами.

Ни глаз, ни ртов! Только слабые, пустые и бездушные очертания, похожие на маски!
Они что-то говорили, но звук доносился из ниоткуда и, сливаясь воедино, превращался в неразборчивый шум.

Их белые руки тянулись к Лили, потерявшей рассудок и бившейся в конвульсиях, пыта-
ясь спастись от них, не дать им схватить себя.

– Оставьте меня! Прочь! – кричала она.

Но призраки всё наступали, сгущаясь над ней.

– Папа!

Немного привыкнув к яркому свету, она в панике заметила проход позади себя, куда и
бросилась изо всех сил, но запнулась о твёрдую ступеньку и упала прямо на каменный стол
какую-то тёплую жижу. Резко дёрнувшись, Лили повернула голову в сторону источника этой
смеси – она лежала посреди большого алтаря, а напротив неё покоилась смотревшая спокой-
ным и недвижимым взглядом на свою новую соседку голова свиньи, покрытая красной пеленой
той же жидкости, в которой теперь лежала и сама Лили.

Громкий детский вопль разнёсся по просторному, но мрачному залу, по периметру кото-
рого были развешаны орды факелов, а существа, заполонившие его, оцепили этот алтарь плот-
ным кольцом.

Лили, надорвав себе горло, начала кашлять! Она билась в конвульсиях! Она рвала себя,
надеясь, что, уничтожив свою плоть, не достанется этим монстрам! Крик! Стон! Визг! Всё
слилось в едином потоке безумия, но когда сознание потихоньку стало её покидать, она вдруг
почувствовала, что чья-то сильная рука, схватив её за платье, подняла и, забрав её себе,
поташила куда-то во тьму. Лили билась, кричала из последних сил, пыталась вырваться, но
монстр без лица уже вынес её из просторного и ослепительно светлого логова, а темнота вновь
охватила две сущности, отдаляющиеся от остальных обитателей этих подземелий, и крики пре-
кратились, сменившись лишь надрывным кашлем и всхлипами. Ещё одна попытка вырваться
– и Лили просто повисла, растеряв все силы на борьбу с судьбой, которая теперь полностью
находилась во власти этого монстра, несущего её куда-то по длинным коридорам, ничем не
отличающимся от тех, что были в самом начале её путешествия, когда, сидя ещё над поверхно-
стью земли, она представляла свою тёплую и уютную комнатку. Весь остальной путь ускользал
из её сознания.

Лили терялась в реальности, словно все жизненные силы постепенно покидали её, при-
нося себя в жертву её любопытству, из-за которого она и оказалась здесь.

Темнота. Обрывки шёпота. Неразборчивые звуки.

Для неё всё было кончено.

Вздых. Ещё один.

Она уже не понимала, где находится. А монстр всё шёл и шёл куда-то в неизвестность.

Глаза закрываются.

Тело Лили просто болтается в воздухе.

Темнота наступила и в её сознании.

Внезапный всплеск!

Лили резко подскочила, обнаружив, что её волосы и лицо были мокрыми, а холодная
вода стремительно стекала на платье и пол. Она вдруг поняла, что жива, что вновь находится в
том зале, среди стен которого был спрятан тайный вход в катакомбы, чуть не ставшие для неё
могилой. Сидя в кресле, за которым ещё недавно пряталась, она быстро огляделась, не веря
своим глазам, но счастье оказалось недолгим, ведь её взору вновь предстал тот самый монстр
без лица, который ещё мгновение назад, схватив гибнущее от криков и паники тело, забрал её
с собой во тьму, а теперь стоял спиной к ней, чтобы, скорей всего, зачерпнуть ещё одну порцию
воды. Рядом на столе лежала чёрная маска, похожая на те безликие лица, что предстали перед
ней под землёй, из-за чего Лили вновь охватил страх, впивший её взгляд в большой чёрный

силуэт, стоявший неподалёку от неё, который, к её ещё большему испугу, в этот самый момент стал вновь поворачиваться, побуждая её снова закричать, но голос не слушался своей хозяйки, выдавая лишь хриплый писк.

– Тётушка! – сквозь боль проговорила она, когда монстр предстал перед ней в полном своём обличии и оказался лишь одной из её самых любимых родственниц Татьяной Филипповной, которая часто навещала её, никогда не забывая про гостинцы.

– Лилия, – строго произнесла её тетя, – как ты попала туда? Неужели ты не подумала, что это может быть опасно? – тётушка указала рукой на кровавые раны, украшавшие руки, ноги и лицо Лили. – Зачем ты это сделала?

В ответ послышались лишь всхлипы и невнятные оправдания, но было очевидно, что она не была удовлетворена её словами, тогда Лили, отчаявшись, выпалила:

– Что это всё такое было-то, а?

Татьяна Филипповна положила сырую тряпку, которую перебирала всё это время в руках, ожидая удобного момента, на лоб племянницы, присела рядом с ней на корточки и, взяв её за руки, произнесла, стараясь быть максимально уверенной в своих словах, надеясь, что эта уверенность передастся и Лили:

– Родная моя, то, что ты сегодня увидела, где ты сейчас побывала... Это не должно выходить за рамки этих стен. Я боюсь за тебя, я хочу рассказать, что произошло, но я не могу! Мне нельзя! Ещё слишком рано!

– Ты мне ничего не скажешь?

– Прости меня...

– Все от меня что-то скрывают! – вдруг зарыдала Лили, перебив свою тётушку. – И отец тоже! Все! Я лишь хочу узнать, что происходит, но все меня обманывают, все хотят меня запутать, но не хотят сказать правду. Почему? Что я сделала? Вы мне не доверяете? Почему? Почему?

– Я просто не могу тебе рассказать. И я не могу ничего с этим поделать. Прости...

С этими словами Татьяна Филипповна, словно пытаясь избежать взгляда своей племянницы, принялась вытирать раны, не переставая дуть на них, будто это могло помочь заглушить её душевную боль. Лили же, выпустив ещё одну слезу, вмиг успокоилась, спокойно уставившись в стену. Она больше не плакала. Это было бессмысленно. В этот момент к ней пришло осознание того, что всё вокруг неё – ложь. Всё, что она когда-либо знала, не имеет никакого права называться истиной. Весь её мир был построен на обмане, который плели вокруг неё, закрывая этой неприступной стеной от настоящего мира, а она была так наивна, чтобы верить во все эти сказки. Единственное, что её теперь интересовало, было надёжно скрыто где-то внутри тех людей, которые сейчас в чёрных масках прятались в подземельях, чьим прикрытием служил их дом.

К Лили пришло совершенно ясное осознание, что нет смысла пытаться разобраться во всём. И она оказалась права, потому что последующие долгие годы её детства всё так же прошли в стороне от разгадки тайны, надёжно хранимой от неё на самой верхней полке бытия, куда ей ввиду своего роста не удавалось дотянуться. Она больше не пыталась перечить и расспрашивать, но подмечала, что время от времени кто-то из взрослых, заметив её, переставал говорить или переводил тему. В какой-то момент она поняла, что так было всегда, просто раньше она не придавала этому никакого значения. Вскоре даже дом, который так же, как и все его обитатели, обманывал Лили все эти годы, стал для неё чужим. Она была готова сбежать, покинуть этот враждебный для неё мир, отдавшись на волю судьбе, но её останавливала лишь любовь к двум самым близким ей людям: отцу, который не хотел причинить ей зло, из-за чего огородил её от своей тайны, и тётушке, заменившей ей мать.

Окончательное же осознание своей изоляции пришло к Лили, когда настала пора братья за учебники, ведь отец настоял на домашнем обучении, объяснив это одной короткой фразой:

– Они тебя научат другому.

Он сам подбирал для неё учебный материал, постоянно напоминая ей фразу, которую впервые сказал, пытаясь успокоить её протест, когда та, не выдержав нагрузки, сбежала с урока и закрылась в своей спальне. Тогда он заявил ей, стоя по ту сторону закрытой двери, что Лили уготована великая судьба, но когда время придёт, она должна быть готова.

– Даже моя собственная судьба скрывает от меня правду! – выкрикнула она в ответ, но тут же опомнилась и замолчала.

Все эти годы во снах к ней вновь и вновь являлось то подземелье, тянущие к ней руки безликие монстры в чёрных масках, спрятанных под капюшонами, и умертвляющий разум ужас, как это произошло и в ночь перед отъездом, о котором никто ещё не знал, но который был уже предreshён. Тогда не успел вернувшийся из глубин воспоминаний крик разлететься по залитым лунным светом коридорам, как тут же в комнату к Лили забежала перепуганная служанка, протирая свои ещё не проснувшиеся глаза. Остановившись в дверях, она разглядела сидящую на кровати виновницу своего резкого пробуждения, которая тяжело дышала и испуганно смотрела на неё в ответ. Уже привыкнув к таким внезапным пробуждениям, случавшимся время от времени, служанка приступила к выполнению стандартных действий по успокоению Лили, которые совершались уже сами собой.

– ...сегодняшний бал поможет тебе отвлечься, – бормотала она. – Может быть, ты встретишь какого-нибудь молодого человека, который поможет забыть тебе об этих кошмарах...

– Не бывать этому, – перебила её Лили.

Престарелая служанка улыбнулась и продолжила:

– Пообещай мне, что хотя бы попытаешься в этот раз быть помягче с ними.

– От меня всю жизнь все что-то скрывали. Я больше никому не могу доверять! И когда я вижу этих напыщенных индюков, понимаю, что они ничем не лучше.

– Неужели ты так и будешь в девках ходить? – возмутилась служанка.

– Я больше всего хочу встретить человека, которому смогу доверять, который будет со мной предельно откровенен.

– Но ты же никому больше не доверяешь... Ни с кем не желаешь знакомиться... Как же ты найдёшь такого юношу?

Но Лили в ответ лишь пожала плечами, хотя, уже прибыв на бал, не могла не отметить с внутренним удовлетворением, что была права и на этом съезде «напыщенных индюков» не было никого, кто мог бы покорить её сердце. Поэтому она всё так же стояла неприступной крепостью в стороне от общего веселья и не позволяла никому к себе подступиться. Ей хотелось оградиться от любых ухаживаний, но эта игра, всегда имевшая лишь один исход, постепенно стала в широких кругах занятой темой для обсуждения, отчего желающих попытать своё счастье с дочерью столь богатого и влиятельного человека постепенно становилось всё больше. Но никто из них и не догадывался, что скоро она улизнёт из-под их прицела навсегда, отчего один из уже отвергнутых ранее женихов, который незаметно наблюдал за ней, не знал, что станет её последним неудавшимся кавалером.

Небрежно попивая из своего бокала, он наслаждался мыслью о том, что раз Лили так усердно отказывала всем, значит, этот боевой рубеж был бы особенно сладок, из-за чего нельзя упускать свой шанс. Никогда ранее он ещё не чувствовал такой страсти к женщинам, ведь ему удавалось легко их заполучать, опьянив их уши своими приторными словечками. И, немного поразмыслив, он понял, что настало время утолить жажду. Проведя рукой по волосам, чтобы убедиться в безупречности своей причёски, этот хищник направился к неуловимой жертве с новой попыткой завязать разговор, но тут же был вынужден скрыться за колонной, потому что заметил, как к Лили подошёл её грозный отец, которого все несколько побаивались, и начал ей что-то говорить. Та его долго выслушивала, после чего начала, как показалось спрятавшемуся

любовнику, ругать его, затем кинула последний взгляд на отца и устремила к выходу, пытаясь оторваться от преследовавшего её родителя.

– Куда же ты? – тихо прошептал бедняга, осознавший, что его цель только что ускользнула прямо у него из-под носа.

Сама Лили в этот же вечер бегала по своей спальне, сбрасывая вещи в большой чемодан, пока её отец через закрытую дверь пытался уговорить её остаться, но, как это обычно и случалось между ними двумя, безрезультатно. Он мог совершить самую ужасную вещь, которую только способен сделать человек, но против своей дочери у него не было оружия, из-за чего он начинал чувствовать себя беспомощным, хотя имел возможность поставить перед собой на колени любого. Кроме неё. Отец пытался придумать любые оправдания своим словам, которые высказал ей на балу, хоть и понимал, что она ему не поверит, но, несмотря на это, следующим утром Лили села на поезд, идущий в город, откуда было недалеко ехать до дома её тётушки.

Впрочем, этой поездке не суждено было затянуться, так как уже совсем скоро она получила известие об убийстве её отца, которое произошло вечером того же дня, что и её поспешный отъезд. И теперь она, одетая в траурное платье, стояла перед Пороховым, находящимся на грани отчаяния, и ждала оправданий от этого незваного гостя.

– Вы, я так полагаю, хотели поговорить с моим отцом, но такой возможности больше нет, – спокойно произнесла Лили, пытаясь выяснить, что же Порохов хотел обсудить. – Если вы не возражаете, то мне хотелось бы поскорее перейти к делу, так как из-за похорон у меня нет времени на безделье, коим вы вынуждаете меня заниматься.

Тут она поняла, что и сама уподобилась остальным обитателям этого дома, солгав, чего никогда раньше не делала до встречи с этим незнакомцем. От этого ей стало не по себе, ведь никаких дел у неё не было запланировано на пару ближайших часов. Но Лили казалось, что этот молодой человек как-то связан со всей этой тайной деятельностью её отца, с которой она теперь твёрдо решила разобраться, сидя прошлой ночью в привычной для себя спальне и вытирая нескончаемый поток слёз своим платьем.

Глава 6. Зачистка огнём (продолжение)

Что бы ни решил предпринять в сложившейся ситуации Порохов, всё казалось ему неправильным: с одной стороны, на него давило чувство долга и верность ордену, с другой – существо, утрату которого ему было уже не пережить. Хотя он и не понимал, как можно задаваться подобными размышлениями, ведь вся его жизнь принадлежала тем убеждениям, что равномерно расходился по его венам каждый момент, проведённый среди тех, кто добровольно оставил душу, заменив её лишь жадой революции, но стоя здесь, стоя на этом месте, среди нечеловеческих картин, глядя на девушку, казавшуюся ему до этого момента лишь отвлекающим от истинного предназначения видением, он был вынужден признать, что общечеловеческие чувства, подобные тому, что испытывают пары, за которыми он с недоразумением наблюдал, сидя в экипаже, вдруг оказались сильнее, чем искусственно вживлённая вера в своё истинное и возвышенное предназначение.

Порохов слегка покачивался, чувствуя, что пол этого поместья больше не хочет держать его.

– Я сожалею о вашей утрате, – выговорил он, пытаясь поймать в сгустившемся от его сдавленного дыхания воздухе неопровержимые оправдания своего прихода.

Лили вновь опустила голову, отчего Порохову показалось, что его слова ранили её, но через мгновение она снова подняла взгляд, источавший непревзойденное спокойствие.

– Я знала, что рано или поздно это произойдёт, но не думала, что так скоро.

– Что? Почему?

– Думаю, вы и сами догадываетесь, – мягко произнесла Лили, надеясь вытянуть из него хоть какие-то сведения о своём отце, которые могли быть ему известны.

Порохов замялся, вконец растерявшись, и предпринял попытку оправдаться:

– Боюсь, вы ошибаетесь. Конечно! Я знал вашего отца, но не настолько, чтобы вот так просто приходить к нему без приглашения, что значит мою неосведомлённость о причинах его гибели.

– Тогда зачем же вы пришли? – расстроилась от краха своих надежд Лили.

– Я...

Порохов замолчал, судорожно перебирая в голове все варианты, но единственной и самой верной, как ему показалось, была попытка дать себе ещё форы, выманив Лили для объяснений из дома, ведь этим стенам, окружившим их двоих, осталось не так много времени. Его друзья могли в любой момент заявиться сюда с целой дюжиной динамита, схватить всех, кто нашёл пристанище под этой крышей, спуститься в винный погреб и устроить мощный взрыв, замаскированный под несчастный случай, который пробудит пожар, порождённый ради одной единственной цели – зачистить всё и всех.

– Я понимаю, что отнимаю ваше время, но если бы это не было так важно, то я немедленно бы оставил вас.

– Я на это надеюсь, – испытывающе прокомментировала его слова Лили.

– Не хотелось бы, чтобы вы меня неправильно поняли, но не могли бы мы обсудить всё в более уединённом месте? Подальше от посторонних ушей...

Лили словно ждала этих слов и сразу же поспешила ответить:

– Мы можем подняться в кабинет моего отца.

– Нет-нет, что вы! – пытался наиболее убедительно подвести разговор под свой замысел Порохов. – Я не сомневаюсь, что кабинет вашего отца более чем удобное место для разговора, но боюсь... Оно может нам не подойти. Насколько мне известно, там могут подслушивать.

Лили сделала шаг назад и удивлённо спросила:

– Тогда что же вы предлагаете?

– Я бы предпочёл продолжить наш разговор вне дома. В саду, скажем.

Лили сделала ещё один шаг назад.

– Тогда я вынуждена отказаться и попросить вас покинуть мой дом. Извините меня, но я не знаю ни вас, ни то, что вы могли бы замышлять. А сад – довольно удобное место для недоброжелателей, ведь он занимает огромное пространство, в котором можно легко затеряться.

Порохов попытался остановить её поток слов, но эта стихия оказалась нерушима.

– К тому же... Я не знаю более защищенного от посторонних ушей места, чем кабинет моего отца, что, я могу предположить...

– Я видел, как убили вашего отца! – отчаянно выпалил Порохов от понимания того, что ей нельзя здесь больше находиться, но в это же мгновение в его голову забралось осознание предательства, которое он совершает по отношению к своему ордену, бывшему для него всем – его семьёй, его жизнью, его мечтой. Зачем он это делает? Может быть, лучше всего было бы рассказать ей всю правду, которую, как казалось Виктору, она заслуживает, ведь ещё никто и никогда не поселялся в его сознании так глубоко. Она потеряла отца, а должна была потерять ещё и себя. Разве не честно было бы открыть все карты в последние моменты её вздохов? Нельзя опускаться до предательства! Ведь жизнь Порохова не принадлежит ему. Она лишь часть великой цели, к которой его готовили с самого рождения.

– Как? – вырвалось из уст Лили, напуганной услышанными словами.

– Как я и сказал, лучше обсудить всё вне этих стен.

«Безумец», – мысленно выругал себя Виктор за сказанные слова, отдалявшие его от завершения первоначального плана.

Лили сделала два шага к Порохову, вцепившись взглядом в его высохшие от волнения, сковавшего ритм моргания, глаза.

– Почему вы потратили столько сил, чтобы приехать сюда и рассказать мне об этом? – недоверчиво произнесла она.

– Мне казалось, что так будет правильно, – твёрдо ответил тот.

Два единственных обитателя этого необъятного зала молча смотрели друг на друга, словно ожидая от существа, стоявшего напротив, попытки сдаться и преклонения головы на отступательную плаху. Но тишина не прерывалась суматошными телодвижениями, предвещавшими конец напряжённому молчанию. А Порохов всё надеялся замедлить время сжатым дыханием, чтобы отсрочить приход своих собратьев.

– Так и быть, – внезапно произнесла Лили. – Давайте спустимся к озеру. Там никто не сможет нам помешать. Прошу меня извинить, я вернусь через несколько минут.

С этими словами Лили вновь начала подниматься по мраморной лестнице, растворяясь в её неукротимой белизне, пока и вовсе не исчезла под потолком второго этажа, оставив Виктора наедине с пугающими здравый смысл картинами, которые теперь просто перестали для него существовать. Он, неподвижно осмысливая то, что сейчас произошло, стоял на прежнем месте и отказывался верить, что эта девушка действительно только что предстала перед ним, ворвавшись в его жизнь прямо после незабываемой встречи на вокзале. Потерявшийся в безграничном пространстве величественного поместья Виктор вдруг вспомнил, зачем прибыл сюда, и, не желая надолго откладывать свои раздумья, стремительно подошёл к двери, открыв её для Старовойтова и Кучера, после чего, убедившись, что никто не видел этого, вновь вернулся на прежнее место, чтобы никак не выдавать того, что позволил себе двигаться в отсутствие хозяйки дома.

Остановившись напротив лестницы, он поднял голову кверху и попытался вспомнить тот уходящий от него образ, однако представший в его голове силуэт казался таким далёким от реальности, что он почти смог убедить себя в том, что это всё ему лишь померещилось. Отчего вздох облегчения расслабил его вздыбившиеся от волнения мышцы. Однако вскоре те вновь переполнились ужасом, ведь пребывать в долгом и томительном, но желанном ожидании ему

не пришлось. Лили не хотелось откладывать момент истины, и, переодевшись для незапланированного выхода, она совсем скоро вернулась, попросив Порохова следовать за ней.

Они тут же направились в проход за мраморную лестницу, где, как оказалось, был ещё один просторный коридор, ведущий к чёрному ходу. Виктор же чуть не потерял из виду девушку, которая шла вперёд, даже не думая оборачиваться, когда, встретив на пути ту пожилую служанку, впустившую его в дом, приказал собрать всех, кто был в поместье, и отправиться вызволять его несуществующий экипаж из беды. Восприняв это как широкий жест со своей стороны, он довольно резко отреагировал на её изумлённое молчание, выкрикнув, чтобы та не мешкала. Но тут же взяв себя в руки, он побежал по коридору, надеясь нагнать Лили прежде, чем та окончательно растворится среди этих стен. Вскоре оказалось, что коридор лишь казался излишне длинным и девушка ждала его возле большой деревянной двери уже за ближайшим углом в светлом цилиндрическом помещении.

– Вы несколько отстали, – сделала замечание Лили.

Порохов извинился и, пересекая просторный сад, заваленный снегом, стабильно шёл возле неё, позволив ей вести себя, ведь сам не мог ориентироваться в столь заваленном разношёрстной растительностью, простирающейся из-под ледяного одеяла, месте. С каждым шагом он всё больше сомневался в правильности своих действий. Виктор не мог понять, почему он поступает именно так; он чувствовал горечь во рту от привкуса непростительной ошибки. Большую часть пути они молчали, что позволило Порохову незаметно рассмотреть идущую рядом девушку в профиль, аккуратно поворачивая голову в те моменты, когда она была увлечена разглядыванием выложенной из камня дорожки, боясь поскользнуться, споткнуться или оступиться. И каждый раз он задавался одним и тем же вопросом. Зачем? Но снова и снова к нему в голову вторгался лишь один ответ: иначе он не мог.

Озеро ждало их в десяти минутах ходьбы от дома. Здесь повсюду лежал снег, охвативший этот обширный, но, казалось, неглубокий застывший водоём, а поодаль стояло несколько небольших беседок, которые, подобно гвоздям, сцепляли воедино эту расслабляюще воздушную снежную гладь со скрытой от глаз стальной почвой, которая как-то странно ощущалась под ногами. От этого при первом же шаге Порохов почувствовал себя твёрдо стоящим на земле, но не способным к сопротивлению.

– Это место было создано много десятилетий назад, чтобы дети и гости могли здесь отдыхать, – пояснила Лили. – Но в последние годы их стали больше интересовать все эти дымящие машины, чем природа.

– Наука меняет мир...

– Да... Теперь я не могу придумать более уединенного места, чем это.

Порохов вновь начал мысленно ругать себя за сказанные в доме слова о его осведомлённости об убийстве. Но, заметив, что Лили открыла было рот, для того чтобы заговорить об этом, он опередил её, решив действовать прямо:

– Думаю, вам не терпится узнать всю историю.

– Вы правы. Иначе я бы не согласилась идти сюда.

– Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли, ведь я не могу не назвать то, что именно в нужный момент я оказался в парке, чистейшим везением.

– Я вас поняла.

– Что ж... В тот день я изрядно натерпелся... И... Как бы это сказать...

Виктор задумался, после чего выпалил:

– Буду с вами предельно откровенным! В тот вечер я шёл в трактор, находящийся рядом с парком, чтобы пропустить пару рюмок.

Он хотел создать о себе хорошее впечатление в её глазах, поэтому теперь ожидал реакции, говорящей о некотором отворачивании к нему, но, к его огромному удивлению, девушка, идущая рядом, только улыбнулась. Её чувства не были задеты, а даже наоборот, Лили мыс-

ленно поблагодарила его за честность, отметив, что стала ощущать себя более уверенно рядом с ним. И когда Виктор начал оправдываться о причине выдуманного похода в это заведение, он заметил, что на молчаливом лице спутницы появилась просьба оставить эти объяснения и перейти к сути дела.

– Тогда в парке я увидел двух человек, которые склонились над чем-то, – продолжил Порохов. – И это не показалось бы мне странным, если бы я слышал выстрелы парой минут раньше...

Виктор задумался, после чего резко продолжил:

– Хотя, наверное, я не с того начал... Но сути это не меняет. Возле их ног лежал человек, и тогда я принял их за случайных прохожих, которые, как и я, обнаружили его. Я побежал, чтобы найти помощь, но, вернувшись, увидел, что помощь подоспела сама. Тогда-то и оказалось, что те люди... которые стояли тогда над ним... над вашим отцом... были убийцами.

Лили, поняв, что рассказ Порохова подошёл к концу, резко остановилась и, вновь вцепившись взглядом в его глаза, произнесла:

– На этом всё?

Виктор от неожиданности растерялся.

– Возможно, у вашего отца были враги, – предположил он.

– Были, да, – невозмутимо подтвердила Лили. – Но к чему этот разговор? Вы вытащили меня из дома в день траура в такой мороз на улицу... Зачем? – теперь она заметно нервничала, хоть и всеми силами пыталась это скрыть. В последнее время ей всё труднее было держать себя в руках, но не из-за трудностей, которые на неё навалились. Утрата отца полностью выбила её из жизни.

– Лили, я видел тех людей. Я знаю, как они выглядят.

– Тогда почему вы не обратились к тому, чья работа заключается в поимке преступников?

– Не думаю, что это будет... Правильно. Особенно если учесть род деятельности вашего отца.

– Какой род деятельности?

– Я не могу утверждать, но он занимался чем-то незаконным. Подробности я не знаю.

Лили опустила голову, окончательно убедившись, что этот молодой человек не станет источником истины, который приоткрыл бы для неё дверь в тайны её семьи, Виктору же показалось, что она уже устала от его хождения вокруг темы.

– Я надеялся, что моя информация поможет вам в поиске убийц, поэтому я и искал человека, который бы воспользоваться ею, – начал Порохов, решив больше не оттягивать с объяснениями. – Почему? По старой дружбе.

После этих слов Лили кивнула, приготовившись выслушать его. Виктор же опасался того, что при повторном расспросе может перепутать некоторые детали, если примется сейчас выдумывать образы убийц, поэтому начал описывать Старовойтова и Кучера, надеясь, что Лили никогда с ними уже не встретится. Это могло бы помочь ему избежать лишних вопросов, если найдутся ещё очевидцы, показания которых создадут неудобные несостыковки. Стараясь избегать точного описания, Виктор указывал на общие черты своих друзей, которые могли бы подойти и ко множеству других жителей столицы. Попутно он сжимал в кулаке часы, медленно бегущая стрелка которых резала его способность к безжизненному спокойствию.

Дождавшись окончания длинной речи Виктора, Лили вздохнула, вновь осознав, что человек, который вырастил её, был так подло убит в парке, но, заметив, что Порохов воспринял этот вздох на свой счёт, поспешила оправдаться:

– Прошу меня простить, что я была так резка с вами. Я благодарна вам, что вы выделили своё время, чтобы помочь мне с поиском тех людей. Просто сложно сдерживать эмоции, когда с кем-то из близких тебе людей происходит такое. Особенно если это происходит именно так жестоко и бесчеловечно, как случилось с отцом. Они ведь...

Лили замолчала, потеряв наполненный горем взгляд между их телами, отчего Виктор почувствовал непреодолимое желание взять её за руку, делая вид, что хочет её успокоить, но при этом просто насладиться столь вождленным прикосновением к этой манящей коже. Он потянулся к её руке...

Взрыв! Мощный грохот на мгновение выбил рассудок Порохова из его головы.

Выстрел! Ещё выстрел!

Эхо этих оглушающих звуков доносилось до его ушей с той стороны, где находилось поместье, что не застало бы Виктора врасплох, если б не столь трепещущий душу момент в разговоре с Лили и не эти выстрелы, что были не внесены в первоначальный план. Его сознание тут же сжалось в один рассудительный ком в попытке оценить ситуацию. Из-за этого временного помешательства на ошарашенных расчётах он не сразу заметил, как охваченная ужасом Лили бросилась бежать к своему дому. Однако она не смогла достигнуть цели из-за Виктора, который, пытаясь её остановить, поспешил за ней, когда его зрение заметило удаляющийся силуэт.

– Куда же вы? – выкрикнул он, встав перед ней и перекрыв дорогу. – Неужели вы решили рисковать своей жизнью?

Лили попыталась его оттолкнуть, что-то прокричав в ответ, но с места он двигаться даже и не думал.

Где-то за холмом раздавались крики. И снова выстрел.

– Какого чёрта? – выпалил Порохов, когда новая волна взрывов донеслась до него.

Лили же не могла оставаться в стороне и всю пыталась противостоять выстроенной против неё этим молодым человеком живой преграде.

– Прошу вас! Виктор Алексеевич! Там мой дом! Пустите же!

Её голос показался Виктору умоляющим, но в то же время жёстким, отчего сопротивляться ему было невозможно. Повинуясь её мольбам, он внезапно сделал шаг к отступлению, которого та не ожидала, отчего тут же споткнулась, но, удержавшись на ногах, бросилась вверх по склону. Порохов устремился за ней, готовый в любой момент повалить её на землю, чтобы спрятать от пуль. Однако уже спустя несколько десятков метров стремительного преследования мысленно пожалел, что решился пропустить её, ведь бежать вверх по снегу было куда сложнее, чем спокойно спускаться вниз. Он хотел попросить её замедлиться, но с каждым новым выстрелом девушка лишь прибавляла скорость, заставляя его всё отчаяннее бороться с нарастающим расстоянием между ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.